

Иезуит

Автор:

Эрнест Медзаботт

Иезуит

Эрнест Медзаботт

История в романах

Итальянский писатель XIX века Эрнст Медзаботт – признанный мастер исторической прозы. В данном томе публикуется роман «Иезуит» – одно из лучших произведений Медзаботта, представляющее собой лирический эпос о деятельности общества Иисуса и ордена вольных каменщиков, каждый из которых определенным образом объясняет свои задачи в мире. В романе автор, в частности, создает яркие, неповторимые образы святого Игнатия де Лойолы, французского короля Франциска I, а также Дианы де Пуатье, фаворитки Генриха II.

Эрнст Медзаботт

Иезуит

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Пролог

I. Монастырь Монсеррато

Мы находимся в самой суровой, гористой стране Каталонии. Главный город этой провинции – богатая и густонаселенная Барселона, центр торговли, литературы и патриотизма, не уступающий никакому городу Европы; но стоит выйти за заставу Барселоны – начинается пустыня, царство нищих и бандитов. Разумеется, мы не говорим о настоящей Каталонии, не уступающей своим прогрессом, образованием и либерализмом другим провинциям Испании. Рассказ наш относится к началу страшного XVI столетия, к той религиозной борьбе, когда проливались реки крови по всей Европе. XV столетие было веком муниципальной вольности и феодального величия, кончившихся к первой четверти XVI столетия. На развалинах феодальных владений возникла единственная, сосредоточенная власть, перед которой склонились вольные мещане и гордые бароны.

Италия, обогатившая мир передовыми идеями и боровшаяся со всей Европой, подпала наконец под чужеземное иго. Ее лучшие сыны воевали в чужих странах. Петр Строцци воевал с Францией, маркиз Пескара и Жероломо Мароне – с Испанией. Если бы в Италии в ту страшную эпоху было согласие, она могла бы противиться врагам, к сожалению, единодушия не было даже между самыми храбрыми гражданами и гениальными военачальниками, они враждовали между собой, нападая друг на друга; враги воспользовались распрей, и Италия пала.

В Европе в ту пору выделялись две личности. Король Франции Франциск I[1 - Франциск I (1494–1547) – французский король с 1515 г. из династии Валуа: проводил политику превращения Франции в абсолютную монархию. В Итальянских войнах 1497–1559 гг. одержал победу при Мариньяно 13–14 сентября 1515 г. и захватил Ломбардию. В битве при Павии 24 февраля 1525 г. разбит войсками Карла V и взят в плен. Возвратил Италии все завоеванные территории. Вернувшись из плена в 1527 г., возобновил военные действия.] и король Испании и Германии Карл V[2 - Карл V (1500–1558) – император Священной Римской империи в 1519–1556 гг. и испанский король (Карлос I) в 1516–1556 гг. Воевал с Францией и с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с немецкими протестантскими князьями и после заключения с ними

Аугсбургского религиозного мира 1555 г. отрекся от престола.]. Соперничество этих двух сильных правителей христианского мира уже доходило до крайних границ, окончившись катастрофой при Павии. Турки, разбившие монголов и занявшие Центральную Азию, покорив Константинополь, угрожали Европе. Великий Сулейман[3 - Сулейман I Кануни (в европейской литературе Сулейман Великолепный; 1495–1566) – турецкий султан в 1520–1566 гг. При нем Османская империя достигла высшего политического могущества. Завоевал часть Венгерского королевства, Закавказья, Месопотамию, Аравию, территории Триполи и Алжира.] достиг высокой степени могущества и славы повелителя османов. Флот калифа покрывал моря, его полчища были несметны, они доходили до Отранто, даже до Франции. Казалось, никакая человеческая сила не могла сразиться с этим великаном. Если бы не геройское сопротивление поляков и венгерцев, то царство луны вытеснило бы царство креста и варварство ислама остановило бы распространение христианской цивилизации. К несчастью, среди веровавших в крест Голгофы не было единодушия, религиозные войны последователей католицизма были гораздо ожесточеннее войн с неверными.

Безнравственная роскошь римского двора, унижающая христианство, продажа индульгенций, с наглостью грабителей совершаемая монахами ордена святого Доминика, дикая ненависть и варварские гонения католической церковью каждой новой мысли и прогресса составляли основу религиозной политики папы Льва X[4 - Лев X (1475–1521) – римский папа с 1513 г. При нем процветала спекуляция индульгенциями и nepотизм (раздача доходных должностей, земель, церковных званий родственникам римских пап).], разъедаая христианский мир хуже язычества. Вот главный повод протестантизма и страшной кровавой борьбы католиков с так называемыми еретиками. Одним из первых апостолов нового учения стал молодой монах из Вюртемберга Лютер[5 - Лютер Мартин (1483–1546) – деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступление в Вюртенберге (Виттенберге) с 95 тезисами против индульгенций. Идеолог консервативной части бюргерства. Перевел Библию на немецкий язык, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.]. Юношей, посетив Рим, он был поражен безнравственностью католического духовенства, и вера молодого монаха в догматы католицизма была подорвана в самой основе. Чувство уважения к церковной иерархии в нем исчезло. Гнусное поведение кардиналов того времени поразило серьезного и набожного молодого человека.

Замечания Макиавелли[6 - Макиавелли Никколо (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, драматург. Ради упрочения государственной власти считал допустимыми любые средства. Отсюда – термин

«макиавеллизм» для определения политики, пренебрегающей нормами морали.] были вполне справедливы. Глава церкви сам был причиной упадка веры. После Александра VI[7 - Александр VI (1431–1503) – римский папа с 1492 г. Из рода Борджиа; политических противников устранял с помощью яда и кинжала.], занимающего такое видное место в истории как развратник и отравитель, честолюбивого солдата Юлия II[8 - Юлий II (Джулиано делла Ровере; 1441–1513) – римский папа с 1503 г. Взял себе имя Юлий, поскольку стремился подражать великому Цезарю и в политической, и в военной деятельности.] на папский престол вошел неверующий атеист Лев X, сибарит из дома Медичи, публично осмеивающий великое учение Того, Кого он удостоился быть викарием на земле. Все это не могло не повлиять на религиозного и впечатлительного Лютера. Возвратившись из Рима в Германию, он открыто стал проповедовать реформу церкви, употребив все средства, дабы привлечь на свою сторону прежде всего власть имущих, так как народ в ту эпоху умел лишь платить подати и беспрекословно повиноваться. Вюртембергский реформатор доказал феодальным князьям Германии всю реальную пользу для них от Реформации, последствием которой будет отпадение богатых церковных владений католических пастырей и полная их независимость. Пропаганда Лютера имела серьезные последствия.

Большинство немецких властителей сделали протестантами и завладели католическими, церковными землями. Император Карл V понял, что удар, нанесенный католицизму, неизбежно должен отразиться и на нем, союзнике папы, поспешил в Германию, уже объятую пламенем восстания, однако, убедившись в невозможности его остановить, не в силах был ничего другого сделать, как войти в переговоры с протестантами и в конце концов санкционировать их права. Таким образом, римская церковь в продолжение нескольких лет потеряла Германию, Голландию, Швейцарию, Англию и Скандинавию. Протестантское пламя проникло также во Францию и Италию, и был момент, когда трон святого Петра, казалось, должен был быть вот-вот снесенным бурей Реформации. В этот критический момент римская церковь перед целым миром развернула свои могучие силы. Началась жестокая, кровавая борьба с протестантами. В продолжение двенадцати веков абсолютно господствуя над совестью людей, подчиняя их папской власти, католическая церковь владела еще и другим могучим орудием защиты: разницей характеров латинских народов с племенами германским, скандинавским и английским. Когда северные народы стремились, так сказать, реализовать свой мистицизм, углубляясь в сущность великого учения Иисуса Христа, отвергая форму, созданную католицизмом, народы Испании, Италии, Франции вполне подчинились внешней пышности обрядов, устраиваемых им католическим

духовенством, авторитет которого поработал их мысль, не допуская критики, а требуя лишь одной слепой веры.

В странах, оставшихся верными католицизму в эпоху Реформации, борьба партий вспыхнула с особенной силой. Католическое духовенство, руководимое своими епископами, поголовно восстало, и начались беспощадные гонения реформаторов и подозреваемых в ереси; духовенство задалось целью искоренить ее в самом начале и не допускать, чтобы реформа перешла границы. Предводители католицизма употребили два способа для достижения своих целей. Насилие, грабеж, массовые убийства граждан и учреждение так называемой святой инквизиции. Властители народов, подстрекаемые католическим духовенством, употребили меч против реформаторов, а святая инквизиция зажгла костры во всех концах Европы. Резня еретиков во Франции по приказанию Франциска I, Варфоломеевская ночь в царствование короля Карла IX[9 - Карл IX (1550–1574) – король Франции с 1560 г. Под влиянием своей матери Екатерины Медичи санкционировал Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. – массовую резню гугенотов.], систематическое избиение инквизицией в Испании всех подозреваемых в ереси, Тридцатилетняя война, перед которыми преследование католиков королем английским Генрихом VIII[10 - Генрих VIII (1491–1547) – английский король с 1509 г.; из династии Тюдоров; провел Реформацию, в 1534 г. провозглашен главой англиканской церкви.] было ничто. Во имя истинной веры злодейства совершались тайно и явно. На королей влияли католические духовники и превращали их в палачей. Подозреваемых пытали в подземных тюрьмах и жгли публично на площадях. Инквизиция силилась поработить совесть людей не силою убеждения, а лютыми казнями. Затем орден иезуитов принял на себя ту же миссию.

Мы постараемся передать начало, развитие и господство этого мирового бича всего человечества, зародившегося в горах Каталонии, известного под названием ордена иезуитов, перед которым столько веков трепетали короли, народы и папы.

День приближался к концу, последние лучи закатившегося солнца слабо освещали хребты Монсеррато, вершины которого поднимаются к небесам; Монсеррато находится в двадцати четырех милях от Барселоны. Название горы Серрато в Каталонии происходит от латинского слова *serratus*. Этимологи считают, что римляне называли эту скалу так из-за ее зубчатых вершин, походивших на зубья пилы – *serra*.

В начале побед франков над Испанией со времен Карла Великого несколько монахов поселились среди горы и основали монастырь, назвав его Монсеррато. Этот монастырь впоследствии был обогащен магнатами Барселоны и Каталонии, королями Арагоны и Испании. Враги распространяли слух, что монсерратские монахи сочувствуют ереси арганизму, который впоследствии стал официальной религией визиготов[11 - Визиготы – вестготы, германское племя, западная ветвь готов. Вторгшись в Италию в 410 г., разграбили Рим; в 418 г. основали раннефеодальное Тулузское государство (на юге современной Франции). В V в. захватили большую часть Пиренейского полуострова, здесь их государство в начале VIII в. было завоевано арабами.], истребленный духовенством обманом, а светской властью – огнем и мечом. Рассказывали также, что из Африки, находящейся в близком соседстве с Испанией, в монастырь проникли донатические идеи, также истребленные мечом и огнем. Затем утверждали, будто там нашли убежище спасшиеся от гонений храмовые рыцари[12 - Храмовые рыцари (тамплиеры от фр. temple – храм) – члены ордена, основанного в Иерусалиме около 1118 или 1119 г. Занимались торговлей и ростовщичеством (в XIII веке крупнейшие в Западной Европе банкиры). В конце XIII века обосновались в основном во Франции. Под давлением французского короля Филиппа IV против тамплиеров был начат инквизиционный процесс, а в 1312 г. папа Климент V упразднил орден.] – военно-духовный орден, основанный для защиты Гроба Господня. Орден владел несметными богатствами, которые во что бы то ни стало пожелал захватить французский король Филипп Красивый[13 - Филипп IV Красивый (1268–1314) – французский король с 1285 г. Поставил папство в зависимость от французских королей, перенес их резиденцию в Авиньон, где она находилась с 1309 по 1377 г.], для этого он способствовал в выборе папой француза Климента V[14 - Климент V (?—1314) – римский папа с 1305 г.], чтобы сообща с наместником Христа преследовать орден храмовых рыцарей как еретический, противный христианскому учению; между тем как на деле единственная «вина» храмовых рыцарей заключалась в том, что они обладали несметными богатствами. Папа Климент V был вполне достойным союзником Филиппа Красивого, он объявил орден еретическим. Начались беспощадные гонения храмовых рыцарей: их мучили, грабили, убивали. Главу ордена, Жака де Молэ[15 - Жак де Молэ (1243?—1314) – великий магистр ордена тамплиеров. По приговору французского суда (процесс над орденом тамплиеров длился 7 лет) заживо сожжен 18 марта 1314 г.], живым сожгли на медленном огне. Несчастный мученик простер руки к небу и молил провидение призвать на суд своих палачей-грабителей. Всевышний услышал молитву Жака де Молэ, через год погибли король и папа. Филипп Красивый на охоте упал с лошади, и рассвирепевший кабан распорол ему живот клыками[16 - Филипп IV скончался от кровоизлияния в мозг, которое действительно произошло на охоте 4 ноября

1314 г.]. Папа Климент V последовал за ним. Народ в этом видел перст Бога, покаравшего злодеев союзников.

После казни де Молэ преследование храмовых рыцарей сделалось общим, оставшиеся в живых члены ордена спешили укрыться в итальянских и испанских провинциях. Многие из них нашли убежище в монастыре Монсеррато, монахи которого сочувствовали их идеям. Папа и католическое духовенство Кастилии и Каталонии с епископами во главе озлобились против монахов; но монастырь Монсеррато был очень силен своим неприступным положением, богатством и любовью народа. Эти каталонские скалы нельзя было осадить, не рискуя возбудить всеобщего поголовного восстания окружавшей их местности. Волей-неволей папа и духовенство, затаив злобу, были вынуждены оставить в покое монастырь Монсеррато.

Сделав беглый обзор событий в Европе, мы приступим к рассказу о деятельности главных персонажей этой правдивой истории.

II. Пилигрим

По горному склону к монастырю Монсеррато, слегка прихрамывая, тихо шел молодой мужчина. Его лицо было бледно, измождено, отчего он казался старше, чем было в действительности. Путешественник на каждом шагу встречал богомольцев, шедших из монастыря и в монастырь. И странное дело: никто из пилигримов не приветствовал молодого человека обычным у испанцев: «Да хранит вас Господь!» Напротив, все его сторонились с каким-то ужасом – как будто на челе этого несчастного лежала печать проклятия. Какая же причина отталкивала всех от пилигрима? Незнакомец был красив и, хотя казался изнуренным продолжительным путешествием, но вся его фигура была даже привлекательной.

Его одежда состояла из лохмотьев, но по его гордой осанке и смелым движениям было видно, что этот человек еще недавно носил благородное одеяние рыцаря. Хромота пилигрима также не могла служить причиной отчуждения окружающих. В те времена свирепых войн вид неизреченного молодого человека возбудил бы более удивления, чем раненного.

Дорога, ведущая к церкви монастыря, была точно усеяна хромыми, горбатыми, искалеченными, идущими просить милости и исцеления у чудотворной иконы Богородицы монастыря Монсеррато. Причину всеобщей антипатии к молодому пилигриму следовало искать в его взгляде. Несмотря на правильные и красивые черты лица, не лишённого благородства, глаза его горели зловещим огнем, который леденил кровь каждого, кто встречался с ними. Выражение этих сверкающих глаз отпугивало. В них светилось что-то безжалостное, осуждающее на адские муки без милосердия, без надежды. Страшный взгляд молодого пилигрима, казалось, повторял слова фанатика аббата Цитео, сказанные Лавуру: «Убивайте, всех убивайте; Бог различит верных».

Прибыв на площадь монастыря, пилигрим остановился и, как казалось, стал что-то припоминать. Кое-какие перемены в стенах и воротах приводили его в недоумение. Некоторое время он стоял в нерешительности. «Двери были здесь, – размышлял он, – это я хорошо помню. Неужели рана в ногу повлияла на мою память? Кругом мертвая тишина, никого не видно. Разве братья оставили аббатство или они уже спят?» При мысли, что монастырь закрыли, пилигрим содрогнулся; такое положение, как видно, представлялось ему большим несчастьем, холодный пот выступил на его истомленном лице, он опустил голову и тихо, едва передвигая ноги, побрел вдоль каменной стены. Пройдя несколько шагов, он поднял голову и оживился: он увидел дверь, над которой сияла металлическая звезда, он нашел то, что искал. По толстому слою пыли, покрывавшему дверь, было видно, что ей долго не пользовались. Пилигрим дождался, когда совсем закатилось солнце, подошел к порогу, упал на колени и, стуча в дверь, вскричал:

– Я искал света и нашел тьму, я стучался в дверь, она была заперта. Сжальтесь надо мной!

Дверь тихо отворилась, и пилигрим вошел в сырой и мрачный коридор. Кругом было темно, как в могильном склепе. Пилигрим остановился, не зная, куда идти.

Вдруг на его плечо упала чья-то тяжелая рука, и он услышал шепот:

– Знаешь ли ты, что путь, который ты избрал, может привести тебя к смерти?

– Я один из вождей, – отвечал с совершенным спокойствием пилигрим.

– Один из вождей, глава?.. А что ты можешь представить в доказательство?

– Изображение того, кто окружен последователями.

– Большую медаль! – вскричал кто-то с удивлением и вместе с тем с особенным уважением.

– Да, большую медаль семи светильников ордена, – строго отвечал пилигрим, – теперь, брат, ты должен мне сказать, долго ли я буду стоять в темноте?

– Для тебя, учитель, тайны быть не может, – отвечал голос, и в конце коридора показался яркий свет.

Монах, плотно закутанный в мантию, попросил пилигрима следовать за ним. Пройдя коридор, они дошли до незаметного склона, идущего к отверстию подземелья, устроенного под алтарем церкви монастыря Монсеррато. Многочисленные горные пещеры дали вполне надежное убежище монахам. Пилигрим и его проводник вошли в обширный зал со сводами, вдоль стен которого сидели около пятидесяти монахов. В одном месте около стены стояла каменная скамья с семью углублениями. Шесть мест были заняты, седьмое оставалось пустым. При входе в зал пилигрима все пришли в крайнее изумление и, видя, что вошедший, не обращая ни на что внимания, твердыми шагами идет к пустующему месту скамьи господ (banco dei signori) – предводителей собрания, страшно взволновались. Со всех сторон слышались крики: «К выходу! К выходу!» Некоторые вскочили со своих мест и схватились за рукоятки мечей, скрытых под монашеской одеждой. Пилигрим, как бы не замечая произведенного им волнения, подошел к свободному месту скамьи. Тогда шесть предводителей встали и загородили ему дорогу. Пилигрим остановился, достал с груди медаль и показал ее. Крик изумления и восторга потряс своды зала, и предводители расступились, приглашая вошедшего занять седьмое место. Пилигрим сел, приняв знаки уважения так же, как и угрозы, с которыми его встретили.

Все собрание выражало крайнее удивление.

– Седьмой предводитель жив, между тем мы считали его погибшим, – слышалось отовсюду.

– Теперь храмовые рыцари начнут действовать! Их силы укрепились!

В это время один из сидящих на скамье предводителей, очевидно, председатель собрания, встал. Спустив капюшон, для того чтобы говорить, он обнажил свое красивое лицо, опушенное длинной белой бородой.

– Братья, – спросил председатель, – хорошо ли охраняются наши двери, берегут ли их ангелы с мечами?

Все отвечали утвердительно.

– Братья, – продолжал он, – все ли мы здесь знаем друг друга? Можем ли мы бояться измены?

Один из монахов вышел на середину зала и сказал:

– Мне известны все, кроме незнакомца, сидящего около тебя.

Председатель продолжал:

– Братья, если кто-нибудь из вас нерешителен, страшится строгих правил ордена, пусть дает клятву молчания и удалится. Потом уже будет поздно; а трусость и измена по нашим правилам наказуются смертью.

Помолчав немного, председатель добавил:

– Теперь, братья, мы можем открыть наши лица, дабы все могли видеть друг друга.

Итак, заседание храмовых рыцарей началось.

III. Заседание храмовых рыцарей

По данному знаку председательствующего капюшоны и монашеские мантии были сняты. В зале уже не было монахов, все преобразились в воинов, закованных в сталь. На латах каждого из них был крест, обозначающий эмблему храма. Здесь собрались остатки рыцарей, от которых когда-то трепетала Европа. Народ утверждал, что их всех истребили два века назад. Между тем это было не так. Многие из них уцелели, правда, претерпев гонения и опасности. Но благодаря их сказочному богатству, удивительной способности хранить тайну даже под пыткой рыцари храма далеко не все погибли.

Хранитель имен, или по-современному секретарь, стал по списку вызывать присутствующих.

– Алан Бомануар!

– Здесь! – отвечал старик, занимавший место председателя.

Имя Бомануара хорошо известно в истории храмовых рыцарей, а также и в истории Франции. Он пользовался громадной популярностью среди французских войск.

– Перси де Суссек! – Британский граф вытянулся во весь свой колоссальный рост.

– Педро Калдерон! Франциск Барламакки! Ульрих Цвингли! Гуарниер Хатцинг!

Вызывавшиеся отвечали по очереди, когда произносились их имена. Эти представители разных народов Европы отличались друг от друга по своим национальностям. Так клинообразная борода, жесткие усы, угловатое и костлявое лицо Калдерона составляли контраст с детским, полным неги лицом Барламакки из тосканского города Лукки, Цвингли, швейцарский реформатор (впоследствии павший в битве против католиков), был совершенной противоположностью немецкому барону Хатцингу, розовый цвет лица и светлые волосы которого выдавали уроженца Саксонии.

– Игнатий Лойола! [17 - Лойола Игнатий (1491(?)—1556) – основатель и первый генерал ордена иезуитов. Выработал организационные и моральные принципы ордена.] – вызвал секретарь.

– Здесь! – отвечал новоприбывший пилигрим.

– Брат! – сказал Бомануар, обращаясь к Игнатию. – В день, когда ты оставил нас, три года тому назад, мы сберегли твои блестящие доспехи, сделанные самым лучшим мастером Толедо, оденься в них и сбрось свои лохмотья.

– Это совершенно лишнее, – отвечал Лойола, – лохмотья я ношу не из бедности, а по данному мною обету. Каждый член нашего ордена имеет право связать себя обетом, если он не противоречит правилам.

Присутствующие не могли не согласиться с основательностью этого довода, и Лойола остался в своих лохмотьях среди рыцарей в блестящих доспехах.

– Братья! – сказал, встав, Бомануар. – Вот уже двухсотый раз мы собираемся с тех пор, как два проклятые человека, папа Климент и король Филипп, рассеяли наших братьев и старались уничтожить орден. Я лично участвовал в заседаниях ордена сорок раз, так как уже сорок лет принадлежу к нему, унаследовав эту честь от моего отца. Вначале я получил маленькую медаль простого рыцаря, вскоре все члены того времени вымерли, их места заняли другие, и я стал старшим там, где был младшим. Все вы, господа, разумные, храбрые, сильные, но и те, которые занимали эти скамьи в продолжение сорока лет, были вполне достойны принятой ими на себя святой великой миссии. Мир праху героев-праведников, – добавил старик, опуская свою седую голову на грудь, мысленно погружаясь в воспоминания прошлого.

На минуту в обширном зале наступило торжественное молчание, после которого Бомануар продолжал:

– Братья! Если верить предсказаниям наших прежних старшин, мы близки к полному торжеству наших идей.

Радостный шепот пробежал по собранию, лишь один Лойола, по всей видимости, не разделял общей надежды, он сидел, скрестив руки на груди, глаза его горели и рот кривился от саркастической улыбки, к счастью, не замеченной собранием при всеобщем энтузиазме.

– Да, братья, – продолжал председатель, – силы, угнетающие наш орден, пали. Свет севера осветил мрак юга; гордая, непобедимая Испания и ученая Италия

содрогнулись. Немец севера возвысил голос, и трон папы пошатнулся. Падение злодеев – близко, царство избранников Божьих настает.

– Верны ли сведения, сообщенные тобою? – спросил один из членов.

– Да, принц Конде, ты сам хорошо знаешь, как быстро распространяется новое учение, в глубине твоей души ты сочувствуешь ему и, конечно, давно бы сделался лютеранином, если бы не боялся потерять общественное положение и свои несметные богатства.

Принц Конде сконфузился, покраснел и сел на место. Председатель продолжал:

– Германия пылает, пропаганда Лютера учит народы презирать авторитет Митры и Шлема[18 - То есть авторитет церкви и монархии.]. Пламя распространяется повсюду. Швейцария, Франция, Италия чутко прислушиваются к истине нового учения, папский авторитет падает. У нас везде есть друзья и помощники, мы обладаем сокровищами, вырванными из рук жадного Филиппа Красивого. Соединимся же все вместе и поможем великому Мартину Лютеру уничтожить авторитет римской церкви, на развалинах которой мы восстановим орден храмовых рыцарей!

– Да здравствует орден храмовых рыцарей! – раздались многочисленные крики.

Один из братьев попросил слова.

– Имеешь ли ты, почтенный принц, – спросил он, – готовый план для достижения цели?

– Да, имею, – последовал ответ. – План всесторонне обдуман и составлен на общем собрании братьев.

– Не забудьте, что после смерти де Молэ наш орден не избрал другого великого магистра, предоставив власть совету семи братьев, из которых самый старший должен быть председателем. Вот почему я занимаю этот пост, – добавил старик. – Между мной и моими товарищами, кроме брата Игнатия Лойолы, отсутствовавшего, мы собрали некоторые данные, которые я и желаю отдать на суд ваш.

Сказав это, председатель вынул из кармана несколько пергаментов и начал читать:

– «Товарищество, состоящее из рыцарей, священников и народа, имеет своей задачей освобождение человечества от цепей рабства и деспотизма католического духовенства. Товарищество разделяется на три класса. К первому относятся вступающие новички, знакомящиеся с целью ордена. В продолжение трех лет они должны знакомиться со средствами и правилами, указываемыми орденом. У них двоякого рода обязанность: учеников и учителей. К второму классу принадлежат братья действующие. Им поручает орден исполнение некоторых задач, относящихся к политическим и церковным реформам. К третьему классу принадлежат немногие лица, которым уже известны тайны ордена, цель его и средства, которыми он обладает; этот класс совокупно с гроссмейстером управляет делами товарищества. Никто не может быть переведен в высший класс без предварительного пребывания, в продолжение трех лет, в низших классах. Гроссмейстер избирается из достойнейших высшего класса. Затем, в союзе со всеми апостолами науки разума, орден вступает в отчаянную борьбу с католической церковью и тиранами и тогда только будет считать цель свою достигнутой, когда восторжествует свобода и совесть человека избавится от страшных пут католицизма».

Программа была встречена общим холодным молчанием: тем не менее она произвела глубокое впечатление на присутствующих. Один из братьев встал – это был благородный голландец, прибывший из своей страны, чтобы найти союзников для пропаганды великого учения среди рыцарей храма. Он сказал:

– Пока мы должны везде искать членов для воскресшего ордена. Мы должны открыть ряды нашего общества для каждого сочувствующего великому делу свободы совести, что прежде, как вам известно, было запрещено.

– То, что ты предлагаешь, брат, уже обсуждалось семью главными членами совета и найдено весьма разумным. Старые положения заменились новыми. Решено это здание назвать храмом свободных каменщиков.

– Да будет так! – раздалось единодушно, и голос принца Конде звучал восторженнее всех.

– Итак, – сказал Бомануар, вставая, – собрание одобряет решение членов семи. Отныне наше общество сделается могущественнейшим в целом мире!

– Да, да! – кричали восторженно все. Но вдруг послышался голос:

– Я не признаю решения!

– Как! – вскричали многие члены. – Кто осмеливается не признавать решение совета семи?

– Я – Игнатий! – вскричал громовым голосом Лойола, вскакивая со скамьи.

Негодованию собравшихся не было границ. Восемь или десять испанцев приблизились к Лойоле, точно желая защитить его, но Бомануар одним жестом восстановил спокойствие и, обращаясь к Лойоле, мягко спросил:

– Брат, ты разве желаешь, чтобы все оставалось по-прежнему? И это ты, энергичный, смелый, предприимчивый, которого мы хотели выбрать великим магистром, и ты отвергаешь необходимые реформы?

– Я обдумал более обширные перемены, но совершенно противоположные вашим; я изложил их письменно и, если желаете, могу их сейчас прочесть, – отвечал Игнатий.

– Почему же ты не заявил об этом ранее в совете семи?

– Я был уверен, что вы не согласились бы со мной, и потому решился обратиться к собранию всех братьев.

– Все это прекрасно, – сказал Бомануар, – но ты не должен забывать наши правила и свои обязанности. Впрочем, изложи свой проект.

IV. Игнатий Лойола

– Вы знаете, братья, – начал Лойола, – по какой причине я должен был оставить общество храма. Мой двоюродный брат, Антон де Монрекуец, герцог Наварры и великой Испании, призвал меня служить под его знаменем. Мои семь братьев уже вступили на военную стезю, и я в свою очередь считал обязанностью сделать то же самое. Я был зачислен в отряд, назначенный для обороны Пампелуна. Эта крепость по трактату отходила Франции, но наш славный Карл V, обиженный королем Франции, решил оставить ее себе. Я принял начальство, когда Андре де Фоа во главе французов прибыл осаждать крепость. После взятия города врагами, превышающими нас численностью, я заперся в крепости с твердой решимостью отстаивать ее. Я боролся до конца, но однажды на валу был ранен осколком камня в ногу, упал без чувств, и, когда опомнился, крепость была уже во власти французов. Неприятели со мной обращались очень вежливо, меня вылечили и по приказанию господина де Фоа отослали в отцовский замок – Лойола в Бискайе. Там я долго страдал: пришлось снова сломать ногу, чтобы лучше ее вправить. Простите меня, братья, – говорил Лойола, – если я столь долго занимаю ваше внимание, описывая свои телесные страдания, но мне необходимо передать вам все, дабы была понятна чудотворная перемена, совершавшаяся в моей душе. Раньше я имел все основания считать себя красивым и изящным кавалером. Вообразите же мой ужас, когда я узнал, что должен остаться навек хромым!.. Прощайте радужные мечты, успех в обществе и любовь дам! Ни с какой человеческой казнью, верьте, братья, не может быть сравнимо известие об этом несчастье, которое я теперь считаю благословением неба. Одна выступающая кость, как мне казалось, была причиной моего недуга, я решил ее срезать и, несмотря на страшную боль, выдержал операцию, но и это не помогло – одна нога осталась короче другой; я подвергнул себя еще одному ужаснейшему мучению: вложил изуродованную ногу в железную машину, которая постоянно сжимала и вытягивала ее; мучения были нестерпимы, кости хрустели, от боли холодный пот струился из-под корней волос, но все было напрасно – я остался хромым навсегда.

Во время болезни Бог послал мне желание читать, я просил, чтобы мне принесли рыцарские романы, но Провидение решило иначе – мне попались в руки «Жизнь Иисуса Христа» и «Цветок святых», сначала я их читал с отвращением, потом с уважением и, наконец, с восторгом.

Когда нога моя зажила, я уже не был кровожадным солдатом и тщеславным щеголем – я сделался христианином.

Все глаза присутствующих были с участием обращены на рассказчика.

– Когда мой разум просветлел, – продолжал Игнатий Лойола, – я простерся перед изображением Пречистой Девы и у ее алтаря дал обет целомудрия. Всю ночь я провел пред престолом Господа с молитвой и рыданием, дал клятву быть воином Христа. На другой день я повесил на стену мою шпагу, отдал нищему богатые одежды, облекся в рубище монаха, опоясал стан веревкой и пешком пошел в Монрези. Я прибыл туда в день Благовещения. Поддерживаемый сверхъестественной силой, я принял на себя жестокие лишения, подвергнул тело свое страданиям, опоясал себя власяницей, просил милостыню у ворот больниц, спал на голой земле, был очень счастлив, когда меня оскорбляли, и, представьте себе, братья, все это нисколько не пошатнуло моего железного здоровья. Близ Монрези я нашел укромную пещеру, которую избрал для себя жилищем; там я испытывал мучения и принимал их, как небесное благо, там я был под влиянием божественного экстаза. Там, наконец, мои братья... – Игнатий остановился, как бы боясь того, что хочет сказать.

– Говори, говори! – слышались возгласы со всех сторон.

– Итак, – продолжал оратор, делая над собою усилие, – я должен вам признаться, что в пещере явились мне ангелы Божьи и научили меня, как управлять людьми и вести их к вере, послушанию и райскому блаженству. Эти внушения ангелов я записал. Они чрезвычайно поучительны и ведут человечество к безусловному повиновению духовенству – как труп в руках хирурга[19 - Эти слова заключают в себе принцип иезуитов: «Perinde ac cadaver».].

Среди всеобщего молчания вдруг раздался громкий голос Франциска Барламакки:

– Брат, – сказал он, обращаясь к Игнатию, – ты забываешь, что Господь Бог иногда посылает ангелов ада искушать тех людей, которые убеждены в своей непогрешимости. Я бы очень хотел знать, к чему ты в продолжение столь долгого времени рассказываешь собранию храмовых рыцарей о своих видениях?

Смелая речь молодого итальянца будто пробудила от умственной спячки всех, слушавших Лойолу.

Послышались громкие голоса, протестовавшие против речи Игнатия. Последний окинул злобным взглядом всех и в особенности Барламакки и сказал:

– Сейчас я перейду к заключению. Ввиду внушения, которого я удостоился свыше, я убедился, что цель ордена должна быть иная, и не могу согласиться с проектом, высказанным уважаемым председателем Бомануаром.

Мятежные идеи, дух непокорности, сотрясающие в настоящее время Европу и в особенности Германию и Италию, должны быть безусловно уничтожены – и вот в чем наша главная задача. Мы обязаны сломить мятежный дух; орден храма не должен быть собранием вольных каменщиков, но преобразоваться в общество Иисуса!

Эти слова вызвали шум возмущения в собрании. Большинство храмовых рыцарей были поражены предложением Лойолы и уже схватились за мечи, как раздался могучий голос Бомануара:

– Братья! – призвал он. – Игнатий имеет право высказывать свои убеждения так же, как и вы – отвергнуть их или принять. Продолжай, брат, – обратился он к оратору.

Мгновенно воцарилась тишина. Лойола продолжал:

– Братья! Цель нашего ордена – восстановление нашей власти над всем светом, но это невозможно сделать с народами севера, отвергающими всякого рода авторитет, а потому нам необходимо действовать на юге и западе среди католических наций – девизом нашего учения должно быть: «Вера и повиновение».

Мы окружим папский престол, как преторианцы[20 - Преторианцы – в Древнем Риме первоначально личная охрана полководца, позднее – императорская гвардия.] древней империи и вместе с тем как владыки его, мы расширим власть римского первосвященника, который в силу обстоятельств, как пленник, должен будет исполнять наши желания. Народам мы должны внушить страх повиновения властям, мы будем поддерживать королей с тем, чтобы управлять ими для высоких целей общества Иисуса. В училищах мы будем управлять развитием юношества, исповедь даст нам полное господство над совестью кающихся; строгости доминиканцев и францисканцев пугают грешников, они с боязнью и неохотно исповедуются им. Мы примем другую систему – будем поучать, судить нестрого и прощать кающихся. Вот средства, которые я предлагаю вам, братья; если вы согласитесь их принять, то через двадцать лет,

не более, вы будете господствовать над всем миром!

– Мы также будем твоими рабами – не правда ли? – вскричал Барламакки.

Собрание разделилось на два лагеря – одни подошли к Игнатию Лойоле, другие к молодому итальянцу.

– Братья! – вскричал последний. – Вы слышали проект, предложенный нам Игнатием Лойолой: рабство всего человечества. Монах из своей тайной кельи предписывает нам свою волю; мы рабски, без рассуждений, покоряемся велению монаха и служим главным орудием порабощения людей целого мира. Мне кажется, подобный проект противоречит всему, что было сделано нашим орденом – к чему мы стояли за свободу, науку, стремились уничтожить невежество и суеверие, к чему все это, повторяю я, если с этих пор девизом нашим должно быть одно рабское повиновение? Нет, братья, – продолжал луккский патриций, – будем по-прежнему восставать против невежества и суеверия, которые цепями рабства оковали весь мир. В нас несомненная сила, употребим ее для процветания науки и свободы. Зачем Европу превращать в ужасную могилу? Пусть она действует открыто, благородно, мы не должны быть поборниками грубой силы, суеверного невежества – девиз наш должен быть: «Любовь и свобода», а потому я призываю вас, братья, отвергнуть предложение Игнатия Лойолы и объявить здесь, в нашем святом собрании, что орден храма отныне преобразовывается в общество вольных каменщиков.

– Да здравствует общество вольных каменщиков! – вскричал принц Конде.

Почти все повторили то же самое.

Между тем председатель Бомануар встал и обратился к собранию:

– Не забывайте, братья, что здесь мы все равны – никто не должен принимать перемены, если она не согласуется с его убеждениями. Дослушаем до конца Игнатия Лойолу.

– Мое решение неизменно, – сказал Игнатий, – я был братом ордена храма и верно исполнял его уставы, но теперь орден храма прекратил свое существование, я не признаю нового постановления, провозглашенного господином Барламакки, и объявляю учреждение общества Иисуса.

– В таком случае, – сказал Бомануар, – нам необходимо знать, кто желает последовать за Игнатием Лойолой и кто пристанет ко вновь учрежденному обществу вольных каменщиков.

В это время шесть рыцарей молча поднялись и стали около Лойолы – это были: Петр Лефевр из Вилларета в Савойе, Франциск Саверо – кавалер наваррский, Иаков Лаунец из Алсназара, Альфонс Сальмерон из Столеды, Николо Альфонс из Бабадилла и Симон Редругеур из Аведии.

– Теперь, – сказал Бомануар, обращаясь к остальным, – поклянемся быть верными обществу вольных каменщиков.

Рыцари, стоявшие около Бомануара, подняли руки.

– Прощайте, братья, – сказал Лойола, – мы долго были соединены и действовали для торжества одной идеи, теперь расходимся в разные стороны и будем бороться друг против друга. Но я надеюсь, что Господь просветит вас, и вы встанете под знамя Иисуса.

– Напрасно будешь надеяться, – пробормотал Барламакки, – тебе никогда не удастся сковать цепями рабства вольных каменщиков.

Игнатий Лойола уже собрался уходить со своими последователями, когда председатель остановил его словами:

– Ты перестал принадлежать храму, но клятвы, данные тобой, всегда имеют силу – берегись их нарушить.

– Бомануар, – отвечал Игнатий, позеленев от злобы, – в плохую минуту ты мне напомнил о клятвах, данных мной; я не думаю их нарушать.

– Да, – отвечал председатель, – ты, конечно, не забыл о последствиях нарушения клятвы.

На это Игнатий Лойола ничего не ответил и вышел со своими последователями. Вскоре по склону горы Монсеррато сошли семь человек, основавших общество, темные действия которого угнетали весь мир в продолжение нескольких сот

лет.

Часть первая. Король-кавалер

I. Исповедь Дианы

Дворец де Брези, одно из самых феодальных зданий в древней части Парижа, давно уже потерял праздничный блеск, когда-то оживлявший его. Бывший великий наместник Нормандии Йанн де Брези предложил руку дочери графа де Сент-Валье, и дворец вновь ожил благодаря присутствию молодой кокетливой красавицы. Прекрасную Диану окружала, как венец, группа самых блестящих современных рыцарей. Именитые вельможи двора охотно посещали дворец великого наместника; все они наперебой ухаживали за прелестной хозяйкой. Диана принимала эти ухаживания как должное и не давала ни малейшего повода к злословию. Она выказывала явную любовь своему седовласому мужу, которому больше годилась в дочери, чем в жены. Развращенный двор не верил в супружескую добродетель юной наместницы, уверяя, что ее поведение есть не что иное, как хитрый маневр. Диана знала, кто первый распустил этот слух, и, хотя ничем не показывала недовольства, но в душе поклялась рано или поздно отомстить дерзкому.

Вскоре после свадьбы Йанн де Брези умер. Молодая вдова горько оплакивала его смерть и отрешилась от всех светских удовольствий. Ее дворец, в котором еще так недавно устраивались роскошные балы и блестящие праздники, уподобился монастырю, куда имели доступ лишь серьезные и набожные люди. Поведение Дианы, ее религиозность и благотворительность сделались предметом разговоров целого Парижа. Красавица всегда была в трауре, составлявшем разительный контраст с богатыми нарядами придворных дам, имевших в эту эпоху обыкновение обманывать живых мужей и, конечно же, не сохранять верность усопшим.

Теперь, когда мы познакомились с прелестной наместницей, мы можем посетить ее дворец. Диана вообще принимала очень редко, но в данную минуту она была

занята разговором с юношей, который, судя по уважению, оказываемому графиней, должен был принадлежать к высшему обществу.

– Монсеньор, – говорила красавица, – разве вы не видите траура, окружающего меня, я отреклась от света и его пышности; притом я, по летам, могу быть вашей матерью! Зачем вы смущаете бедную душу, монсеньор.

С этими словами Диана подняла глаза к небу и придала своему лицу такое чудное выражение, что юноша, которого она хотела обратить на путь истинный, обезумел от восторга и вскричал:

– Но поймите, Диана, я люблю вас! Будьте моей, Диана, и при дворе, где я буду королем, вы станете королевой!

Гордое молчание было ответом Дианы. Она уже давно ждала любовного признания Генриха II[21 - Генрих II (1519–1559) – король Франции с 1547 г. В 1559 г. был убит на Турнире графом Монтгомери.], наследника короля Франциска I. Принцу в то время исполнилось восемнадцать лет, это был красивый, стройный юноша, для своих лет чересчур развитой. Охота, война и любовные похождения рано состарили молодого орла – он более походил на бравого солдата, чем на изнеженного принца. Как и его отец, он был высокого роста, с округленными формами, красивый, с резкими движениями. В эту минуту он стоял перед красавицей, столько лет царившей при дворе Франции – Дианой де Бреси. Знаменитый Бенвенуто Челлини[22 - Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, писатель.] и многие другие художники обессмертили красоту этой сирены Дианы де Пуатье[23 - Диана де Пуатье (1499–1566) – любовница Франциска I, затем Генриха II, от которого у нее была дочь Диана Французская. Современники утверждали, что Диана де Пуатье поражала всех своей неувядающей красотой до самой смерти.]. Графине исполнилось в то время тридцать пять лет, но она еще была дивно хороша. Разве кисть бессмертного Тициана[24 - Тициан (Тициано Вечеллио; 1489–1576) – итальянский живописец, наравне с великолепными полотнами создал несколько портретов современников, изобразив их с беспощадной правдивостью.] могла передать жемчужный цвет ее стройного тела. У нее были пепельного цвета волосы, столь тонкие и мягкие, что шелк в сравнении с ними казался грубой шерстью; глаза, черные, большие, нежные, глубокие, излучали нежную прелесть. Графиня была одета в простое черное платье. Четырехугольный вырез лифа позволял видеть ослепительную белизну шеи и груди. Из под коротких рукавов, по моде того времени, видны были руки, казавшиеся изваянными из

мрамора, если бы не голубые жилки, видневшиеся под нежной кожей. На шее и руках не было украшений, лишь обручальное кольцо покойного де Брези.

– Монсеньор, – сказала графиня, – то, что вы мне предлагаете, могло бы осчастливить каждую принцессу двора, но не меня, бедную вдову.

– Диана!..

– Позвольте мне продолжать; сегодня вы наследник престола, но завтра можете стать королем Франции. Вам, конечно, известно, что монархи могут вступать в брак только с принцессами крови. Сохрани бог, если бы ваш батюшка король услышал эти слова, – меня бы заключили в тюрьму на всю жизнь.

Лицо Генриха побагровело.

– Он не посмел бы этого сделать! – вскричал принц, хватаясь за эфес шпаги.

– Быть может, вы бы и отстояли меня, монсеньор, но какова была бы моя жизнь; сознание, что я стала между сыном и отцом, свело бы меня в могилу. Король, ваш батюшка, всегда так добр к бедной Диане. Вы были чересчур малы и не можете припомнить одного кошмарного эпизода в моей жизни. Знайте же, что мой отец, граф де Сент-Валье, участвовавший в побеге коннетабля[25 - Коннетабль (фр. connetable – первоначально «великий конюший»). Во Франции до XVII в. – главнокомандующий армией.] Бурбона, был приговорен к смертной казни. Заговор был страшный, бунтовщики с оружием в руках восстали против законной власти; суд был строгий, но вполне справедливый; никто из родственников приговоренных не осмелился просить милости у его величества. Тогда Господь Бог внушил мне смелую мысль, я проникла в Лувр, подождала прохода короля и, когда он появился, упала к его ногам.

– Вы, вы... – почти крикнул дофин с выражением ревности к отцу, славившемуся своими любовными похождениями. – Вы были у него, и он вас принял?

– Да, принял как дочь, умолявшую его о помиловании отца, приговоренного к смерти.

В голосе красавицы звучало столько благородных нот, меланхолических, с оттенком легкого упрека Генриху.

– Король, увидев меня на коленях, поднял меня, с участием расспросил о моем горе, рекомендовал особому вниманию своей матери Луизы Савойской и в конце концов – о милый принц, разве я могу забыть это – король исполнил мою просьбу, и спустя несколько часов я обнимала моего отца.

– Ну а потом вы не видались больше с королем? – спросил дофин.

– Нет, ваше высочество, – гордо отвечала Диана, – спустя несколько недель я вышла за графа де Брези, имя которого я с достоинством носила...

Генриху показалось, что на глазах красавицы блеснули слезы, и он упал к ее ногам.

– Простите, прелестная Диана, простите, любовь к вам помрачила мой разум. Но, мне кажется, в мире не существует смертного, который не преклонился бы пред вашей красотой... не отталкивайте меня, Диана, иначе, даю вам слово Валуа, я... совершу убийство. О Диана, прошу вас, сжальтесь надо мной, и вы будете спасительницей Франции.

– Ваше высочество, прошу вас встать, – говорила в испуге графиня, – я слышу чьи-то шаги, сюда могут войти.

И действительно, кто-то постучал в дверь маленького зала, вошла горничная и сказала:

– Преподобный отец Лефевр ожидает ваше сиятельство для духовной беседы.

– Попросите преподобного отца быть так любезным пройти в молельню, – отвечала графиня. – Простите, монсеньор, – обратилась она к принцу, – я иду беседовать с Господом Богом при посредстве его благочестивого служителя.

– Вы святая! – вскричал принц, целуя руки графини.

Томный взгляд, полный любви, был ответом красавицы на горячий порыв влюбленного Генриха.

Проводив его до дверей, графиня отправилась в молельню, где ожидал ее отец Лефевр.

Если бы сын Франциска I мог видеть графиню в эту минуту, его любовь к ней несколько бы поостыла. Лицо графини дышало злобной радостью, по губам скользила улыбка презрения и насмешки. Идеальная красота кроткой, добродетельной вдовы исчезла, и ее заменила какая-то фурия, раба темных, грязных страстей.

II. Преподобный отец Лефевр

Пройдя зал, где она принимала принца, и накинув на свои обнаженные плечи мантилью, Диана отправилась в молельню.

Отец Лефевр мало изменился с тех пор, как мы видели его между храмовыми рыцарями, приставшими к Игнатию Лойоле, основателю общества ордена Иисуса[26 - Орден иезуитов (Общество Иисуса) учрежден Игнатием Лойолой в Париже в 1534 г. Орден сделался главным орудием Контрреформации.]. Он был высок, с сухим угловатым лицом, тихой, еле слышной походкой, глаза его были вечно опущены, но, когда он их поднимал, в них нетрудно было заметить огонь озлобления и надменности. Графиня приветствовала его низким почтительным поклоном, на который монах отвечал чуть заметным кивком головы.

– Простите, святой отец, – проговорила графиня, – если я не тотчас же явилась сюда, но один важный посетитель...

– Вы, вероятно, для посетителя обманываете своего духовного отца?

– Я обманываю? – воскликнула с ужасом графиня.

– Да, вы. К чему было менять светский наряд, набрасывать мантилью на плечи, разве глаз священника может смущаться тем, что возбуждает восхищение в

светских людях?

Графиня уже имела случай убедиться не раз, что духовнику известны все ее дела и помыслы.

– Простите, святой отец, я согрешила.

Иезуит пожал плечами.

– Грех? Нет, вы должны знать, дочь моя, что мы очень осторожно называем грехом некоторые деяния людей. Впрочем, не будем более говорить об этом; вы, вероятно, пришли исповедаться?

– Да, святой отец, более чем когда-нибудь я нуждаюсь в ваших мудрых советах.

– Я не откажу вам в них, дочь моя. Общество Иисуса благословлено самим Господом, оно руководит совестью всех верных католиков, от простого селянина до властителя. Вы можете покаяться мне в ваших грехах, – я вам отпущу их и открою путь к небу.

– Отец мой, – сказала Диана, – я должна исповедаться вам в весьма серьезном деле; но сперва я хотела бы знать... правда ли... как говорят...

– Позвольте мне докончить, дочь моя, – прервал ее иезуит, – вы хотите знать, что братья общества Иисуса более снисходительны к исповедующимся, чем другие духовники, и справедливо ли они находят способ уменьшать в глазах грешника тяжесть его падения и примирить его с Богом без особой кары... Это вы хотели знать, дочь моя?

– Да, преподобный отец.

– Лишь одни неверующие считают это грехом, – сказал иезуит. – Но нужно понимать нас, мы также строги, как и другие, если грех совершен со злым намерением. Когда же обстоятельства сложились так, толкали человека на греховное деяние, мы прощаем падение.

– Я вас не совсем поняла, – сказала задумчиво молодая вдова.

– В таком случае я поясню примером: мы знаем одну молоденькую девушку, которая, увидя проходящего красивого и храброго короля, кинулась ему навстречу, бросилась к его ногам и предложила свою невинность; эта молодая девушка была бы потерянная женщина, бесстыдная куртизанка, присужденная к мукам ада...

– И что же? – спросила, задыхаясь, Диана.

– Но цель, с которой она это сделала, вполне ее оправдывала. Ценою своего падения она купила жизнь родному отцу и, таким образом, вместо падшей грешницы сделалась героиней, второй Юдифью.

– Боже! Святой отец, что вы говорите? – вскричала графиня.

– Может быть, вы знаете такую самоотверженную девушку? – спросил совершенно спокойно отец Лефевр.

Диана в отчаянии опустила руки. «Им все известно, – промелькнуло у нее в голове, – они все знают, а я, глупая, еще хотела тягаться с ними... С такими союзниками я буду – все, без них – ничего; мне необходимо решиться». И, повернувшись к иезуиту, она спросила:

– Отец мой, угодно ли вам выслушать мою исповедь?

– Я готов, дочь моя, – отвечал иезуит.

– Вы знаете, святой отец, что я дочь графа де Сент-Валье, этого благородного вельможи, который помог герцогу Бурбону в побеге, за что был приговорен к смертной казни. Никакие мольбы друзей и родных не могли укротить гнева короля Франциска. Тогда я кинулась ко двору, бросилась в ноги монарха и... Не правда ли, святой отец, это был страшный грех?

– Нет, – отвечал иезуит, – это не был грех, а долг дочери.

– Король Франциск принял меня благосклонно и тотчас приказал отложить исполнение казни, назначенной на другой день. Когда он меня поднял, стоявшую на коленях, он мне шепнул на ухо: «Сегодня вечером я тебе отдам

прощение твоего отца». Я хотела протестовать, но король холодно прибавил: «Скажи нет, и голова графа де Сент-Валье покатится с лобного места на Гревской площади». Святой отец, я любила отца, притом же казнь вела с собой опись имущества, я бы осталась одна на белом свете, бедная, без всякой надежды... Я пала. Не правда ли, святой отец, – это был большой грех, непростительный?

– Да, если бы это совершилось для вашего личного удовольствия, – но вы спасли отца. Вас Бог не покарает, а, напротив, наградит за самопожертвование.

– Благодарю вас, святой отец, но это не все... король несколько раз приходил ко мне. Впоследствии он выдал меня замуж за господина де Брези. И потом, после свадьбы... Ах, отец мой, я великая грешница.

– Конечно, дочь моя, вам может показаться великим грехом все то, что вы по обстоятельствам должны были сделать, но, принимая во внимание ваше чувство дочери к несчастному отцу, затем благодарность, которой вы были обязаны королю Франциску I за богатства и привилегии, данные им вашему мужу, я нахожу, что вы чересчур преувеличиваете грех.

– Мой муж по милости короля действительно оставил мне значительное имущество, – отвечала Диана.

– Итак, дочь моя, вы к себе несправедливы. Не тщеславие побудило вас сносить ухаживание человека некрасивого и немолодого. Вы спасали отца и желали увеличить имущество вашего мужа. Во всей этой исповеди я не вижу повода, по которому бы мог осудить вас.

Диана пытливо взглянула на духовника; глаза его были опущены вниз.

– Я еще имею грех, в котором должна покаяться вам, – сказала вдова.

– Я слушаю вас, дочь моя, хотя вперед утверждаю, что и этот грех ваш окажется мнимым.

– Слушайте же меня. Наследный принц Генрих, вернувшись с войны, стал настойчиво преследовать меня.

– И вы боитесь в одно и то же время сделаться любовницей отца и сына?

– Да, я ужасно этого боюсь, – отвечала Диана, закрывшая лицо руками, сквозь пальцы которых можно было следить за выражением лица священника.

– Дорогая моя дочь, – сказал с благосклонной улыбкой Лефевр, – церковь не имела бы в достаточной степени молний, демоны не могли бы располагать страшными для вас муками, если бы ваша связь с наследным принцем была единственной целью своего собственного удовольствия; о, этим вы оскорбили бы небо, но я вас знаю, вы благородная и высокая душа, и я уверен, если вы согласитесь открыть ваши объятия принцу, то это сделаете единственно в виду высшей цели, для которой должны быть прощены и более тяжкие грехи.

– Высокие цели? – шептала графиня. – Укажите мне их... направьте мои шаги.

– Дочь моя, вообразите, что вы приобретете власть над принцем Генрихом, и, когда он взойдет на престол, это будет католический принц, враг еретиков, защитник ордена иезуитов и привилегий инквизиции.

– И вы думаете, святой отец, – спросила Диана, – что если я буду поддерживать все это в принце Генрихе, то мне Господь Бог простит мое прошлое?

– Не только простит, но даже наградит вас через наш орден всеми земными благами.

– Это богатство я должна раздать бедным, не правда ли, отец мой? – сказала с оттенком грусти вдова де Брези, что не ускользнуло от тонкого слуха иезуита.

– Бедным! – отвечал он. – Можете помочь бедным, дочь моя, но вы должны быть богаты. Ваше звание требует блеска и роскоши. Бог сотворил неравные условия жизни людей, и кто старается уничтожить данное ему Богом, тот, значит, восстает против Его святой воли. Нет, дочь моя, вы должны быть богаты – таково ваше общественное положение.

Диана встала, выпрямилась во весь рост, глаза ее загорелись, она вся вмиг будто преобразилась и сказала:

– Покончим, отец святой, эту комедию, все это переливание из пустого в порожнее. Поговорим откровенно. Вы от имени вашего ордена предлагаете мне союз?

– Да, дочь моя, я вам его предлагаю.

– Вы мне гарантируете богатство, почести, славу и опору вашего всемогущего ордена с тем, чтобы я влияла на короля и дофина и чтобы они притесняли еретиков с такой жестокостью, какой еще не бывало до сих пор?

– Да, моя дочь, я вам это поручаю.

– Принимаю, – сказала графиня, – кстати, сегодня вечером у меня будет король Франциск.

– Знаю, – отвечал иезуит, – он возвратится сегодня вечером и, переодетый в платье простого кавалера, придет к вам, постучится в двери сада, и кормилица Алисон ему откроет.

– Боже! Как это вы все знаете! – вскричала Диана. Ее удивление превратилось в страх.

– О дочь моя, я знаю вещи только необходимые для пользы общества и всегда их забываю, когда минует надобность, но оставим этот вопрос. Завтра в Лувре, как вам, вероятно, известно, состоится заседание по поводу религиозных событий в Германии.

– Да, я об этом слышала, – с некоторым замешательством отвечала госпожа де Брези.

– Итак, в совете будут обсуждаться эти вопросы. Некоторые из приближенных короля выступают против преследования реформаторов, будто бы не затрагивающих авторитет догматов церкви, и утверждают, что гонение еретиков только увеличит их силу.

– А знаете, святой отец, я с этим отчасти согласна, ибо история нам говорит, что религиозные преследования никогда не достигали своей цели.

– Вздор! – почти крикнул иезуит, вскочив со стула. – Паллиативные меры, конечно, только увеличивают силу еретиков, но меры радикальные всегда, безусловно, полезны: они с корнем вырывают зло. Обратите внимание на еретиков прежних веков: донатистов[27 - Донатисты (от имени епископа Доната) – участники религиозного движения в римской Северной Африке в IV–V вв., направленного против официальной христианской церкви и римского господства.], ариан[28 - Ариане (от имени священника Ария) – участники течения в христианстве IV–VI вв., не принимавшие один из основных догматов – о единосущности Бога-Отца и Бога-Сына. По учению Ария, Христос как творение Бога-Отца – существо, ниже его стоящее.], наконец, на еретиков близких к нашему веку – альбигойцев[29 - Альбигойцы – участники еретического движения в Южной Франции в XII–XIII вв. Выступали против догматов церкви, церковного землевладения и десятины.]; трон и церковь уничтожили даже воспоминание об их лжеучениях, потому что против них приняты были радикальные меры: не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей – их всех уничтожили.

– Но, святой отец, я не чувствую в себе достаточно храбрости предлагать королю такие жестокие меры, – со страхом отвечала графиня. – Быть может, я не сумею оправдать надежды, возлагаемые на меня обществом.

– Король Франциск и дофин очень религиозны, мне это известно, потому что они избрали себе духовников из членов нашего ордена, вы имеете влияние на короля и его сына и можете действовать в интересах церкви.

– Но, святой отец, – продолжала графиня, – право, я боюсь: буду ли я в состоянии уничтожить дух терпимости, господствующий в совести короля?

– Вы будете не одна, дочь моя, вас поддержит весьма влиятельный сановник.

– Могу я знать его имя?

– Разумеется, коннетабль Монморанси[30 - Анн де Монморанси (1493–1567) – коннетабль, маршал и пэр Франции.]. В нем вы найдете самого верного и преданного союзника.

– Как! Этот грабитель! – вскричала Диана, услышав имя известного своей жадностью временщика.

Иезуит пристально взглянул на красавицу, легкая, едва заметная улыбка скользнула по его тонким губам.

– Будьте спокойны, дочь моя, – сказал он, – жадность Монморанси для вас не опасна, мы сумеем достойно вознаградить вас за ваши услуги. Еретики очень богаты, и список их имений находится в наших руках.

– Ах да, я и забыла. Впрочем, святой отец, вы не подумайте, что я жадна, я только желала бы иметь возможность прилично содержать себя, сообразно моему званию.

– Да, конечно, но я уже высказал вам мое мнение на этот счет. Теперь пока прощайте, я ухожу с полным убеждением, что вы позаботитесь о вашей душе, оказав услугу святой католической церкви.

– Но, святой отец, – вскричала графиня, – вы уходите, не благословив меня и не дав мне разрешение в грехах?!

Иезуит остановился. В его стеклянных глазах сверкнула искра интереса. Он с особым удовольствием, более даже, с восторгом взглянул на эту красавицу, сохраняющую маску лицемерия даже перед ним, видящим ее насквозь.

«В самом деле она сильная женщина, – подумал Лефевр, – и вполне достойна быть членом общества Иисуса».

– Встаньте на колени, дочь моя, – сказал священник.

Графиня повиновалась, и Лефевр произнес над ее головой традиционную молитву отпущения грехов.

III. Феодальная месть

Замок Монморанси производил впечатление настоящей крепости с толстыми зубчатыми стенами и многочисленным войском, наполнявшим дворы и казармы этого огромного здания.

Париж в ту эпоху изобиловал домами, похожими на крепости. Монархический принцип еще не вполне восторжествовал. Король не смел гневаться на феодалов – он в них нуждался. Последствием таких порядков было появление Ришелье, уничтожившего своеволие дворян при помощи топора палача, но Ришелье тогда еще не родился. В описываемую нами эпоху каждый дворянин был королем в своем замке; самые вопиющие преступления дворян оставались безнаказанными; права имели лишь очень сильные вельможи и духовенство – остальной народ не пользовался никаким правом, он только платил подати.

Герцог Монморанси занимал должность коннетабля, что делало его главой всех вооруженных сил христианского короля Франции. Монморанси формировал французские войска, которые были большей частью феодальные, даже после реформ Карла V. К тому же король Франциск I не отличался военными способностями, он более походил на галантного кавалера, чем на воина, и не позволял себе нарушать привилегии феодальных баронов. Герцог де Монморанси по происхождению был одним из первых баронов Франции[31 - Род Монморанси получил баронство в XI в., то есть ко времени описываемых событий насчитывал тысячу лет.]. Его предок первым принял христианство, вследствие чего Монморанси носил титул первого христианского барона. Разве одни принцы Гизы, властители Лорена или Куртено, давшие императоров Константинополю, могли равняться с Монморанси; затем он был в родстве с самыми знаменитыми домами, а потому и имел двойную привилегию: первого дворянина Франции и первого генерала королевских войск, что давало громадную власть временщику. Монморанси не имел друзей, его жадность, чрезмерное честолюбие и свирепость отталкивали от него всех. Заслужить гнев страшного временщика было опасно. Чтобы познакомиться ближе с Монморанси, войдем к нему в кабинет. Герцог был занят разговором с отцом Лефевром. В чем заключалась эта беседа, нам неизвестно, но почести, оказываемые всемогущим временщиком иезуиту, были поистине королевские. Он проводил Лефевра до самых дверей. Слуги гордого временщика немало удивлялись, отчего их господин оказывал почести простому священнику.

Когда гость ушел, любезная улыбка исчезла с лица Монморанси, оно приняло обычное свирепое выражение. Он отдал приказание позвать к себе старшину. Минуту спустя последний явился. Это был человек небольшого роста, коренастый, косой, с низким лбом и физиономией, на которой резко отпечатались самые низкие инстинкты. Старшина был одет в куртку из буйловой кожи, за поясом кушака виднелась связка ключей, а сбоку короткая шпага. Звали его Конрад Черный, это было пугало всех обитателей дворца и

феодалных владений коннетабля. Одной из главных обязанностей Конрада была расправа с несчастными, заслужившими гнев Монморанси.

– Конрад, – сказал Анн Монморанси, – ходил ли ты смотреть пленного?

– Точно так, господин герцог, я в точности исполнил ваше приказание.

– Ну, что делает арестант?

– Как всегда – молится Богу и проклиняет вашу милость.

– Ну до последнего мне дела нет, самое главное, чтоб не убежал, впрочем, этого едва ли следует опасаться – тюрьма, кажется, очень надежная.

– Конечно, – отвечал с грубой улыбкой старшина, – душа его вылетит, а тело останется в тюрьме.

Монморанси улыбнулся на эту шутку и сказал:

– А исполнил ли ты мое другое приказание?

– Разумеется исполнил; я скорее позволю содрать с себя живого шкуру, чем ослушаюсь приказа вашей милости. Как бы нечаянно я положил около арестанта острый кинжал и рядом с его скамейкой поставил склянку, данную вами, предупредив, что в ней находится самый смертельный яд.

– Хорошо.

– Я ему также доказал, как вы меня учили, необходимость добровольного путешествия на тот свет. Но это не помогло.

Герцог с лихорадочной поспешностью шагал по комнате. «Непонятная настойчивость, – шептал он. – Каждый другой человек на его месте при таких обстоятельствах лишил бы себя жизни не один, а десять раз. Сколько пленных, сидя в тюрьме, изощряют свои способности, чтобы уничтожить себя, и, не имея под руками для этого средств, разбивают головы о тюремные стены... А этому негодяю мы дали все, чтобы он себя уничтожил, и яд, и кинжал, но он

отказывается принять мое благодеяние и исполнить мое искреннее желание».

– Господин герцог, – сказал главный палач Монморанси, – я имею некоторые основания полагать, что дело обойдется само собой. Яма, где сидит арестант, сильно расстроила его здоровье, его телесный недуг быстро развивается, и, мне кажется, он скоро должен перейти в иной мир.

– Как это ни будет скоро, но для меня может показаться слишком долгим. Быть может, смерть его мне понадобится через день, через час!

– В таком случае, – сказал, оскалив зубы, палач, – почему же вы не даете мне приказание покончить с ним разом.

– Не могу, Черный Конрад, король взял с меня клятву, чтобы я не убивал пленника. Нам остается одно средство: довести до полного отчаяния арестанта, чтобы он сам с собой покончил.

– В таком случае, – предложил палач, – можно устроить таким образом, что в самоубийстве не будет сомнения.

– Нет, Конрад, нельзя, я дал клятву на образе чудотворной иконы, которую епископ Ангулемский сам повесил на шею королю. Нет, нет, Конрад, я не могу стать клятвопреступником – это смертный грех!

Конрад ничего не отвечал, он давно привык слепо повиноваться воле господина. Притом же палач был сыном своего времени. Подвергнуть жертву адским мукам, довести ее до полного отчаяния, предоставить все средства к самоубийству – это можно, но нарушить клятву, данную на чудотворной иконе – смертный грех.

– Возьми фонарь и пойдем, – сказал после минутного молчания герцог.

Конрад зажег фонарь, надавил пружину, и в стене открылось большое отверстие. Оба осторожно стали спускаться вниз, в подземелье, по крутой лестнице. Несколько раз герцог чуть не упал, скользя по влажным ступеням, а его спутник, как видно, привыкший к этому маршруту, шел смело и уверенно.

– Скоро ли дойдем? – спросил Монморанси, останавливаясь на одной из площадок.

– Еще немного нужно спуститься вниз, монсеньор, мы уже находимся близ леса; слышите, как сладко пташки поют? – добавил палач, холодно улыбаясь.

И действительно, вскоре будто из недра земли послышался шум, крики, плач, рыдания.

– Они все обозначены в списке? – спросил герцог.

– Да, монсеньор, только одного я не записал – мужа молочницы Пьерины, Доминико.

– Это каким образом? Кто осмелился посадить в яму Доминико, который был всегда верным и послушным слугою?

– Герцог де Дамвиль, старший сын вашей милости, приказал.

– Мой сын? Хорошо же он начинает в восемнадцать лет; за какое преступление он наказал Доминико?

– Вашей светлости, вероятно, известно, что герцог де Дамвиль оказывал некоторое внимание Пьерине, что весьма естественно. Представьте себе, до какого безумия дошел Доминико, он осмелился запретить своей жене ходить к герцогу и даже ее ударил, когда заметил на лице ее улыбку.

– На сколько же времени герцог приказал тебе арестовать Доминико?

– До тех пор, пока я не получу приказа об его освобождении, но так как господин герцог вчера уехал в свои владения, то приказ этот едва ли скоро последует.

– Хорошо, сегодня вечером выпустить Доминико и сказать, что герцог Дамвиль, ввиду слезной просьбы Пьерины, прощает его. Затем послать гонца к герцогу с приказом от моего имени немедленно вернуться в Париж.

– Слушаюсь, ваша светлость, все будет исполнено по вашему желанию.

Наконец они дошли до самой нижней части тюрьмы. Здесь зараженный воздух, страшные вопли, раздававшиеся со всех сторон, олицетворяли собой ужас католического ада, так картинно рисуемого благочестивыми отцами иезуитами.

– Открой дверь каземата и наблюдай, – сказал Монморанси. – Однажды раздраженный пленник разорвал цепи и чуть было не убил меня.

– Монсеньор, можете быть совершенно спокойны, – сказал, ослабившись, палач, – цепи, скованные мной, никогда не разрываются.

Дверь каземата была открыта. Луч фонаря осветил ужасную картину. На низком каменном ложе виднелась бесформенная масса лохмотьев, цепей и человеческих членов; вонь стояла нестерпимая; два огненных глаза казались одни живыми в этой массе; белая всклокоченная борода; почти нагое исхудалое тело приподнялось, пленник встал и сел на своем ложе. Это был человек до крайности изнуренный, худой, но лицо его и до сих пор носило следы красоты. Арестант, увидев вошедших, бросился на них с сжатыми кулаками и, сдержанный цепью, прикованной к стене, бессильно упал на скамью. Вошедшие злобно расхохотались.

– Напрасно ты делаешь такие скачки, мой милый, – сказал палач, – ты можешь сломать себе кости: ведь эти цепи скованы мной специально для тебя.

– Убирайся вон, – вскричал Монморанси, – я желаю остаться с пленником наедине!

Палач ушел.

При звуке этого голоса пленник задрожал.

– Герцог, – прошептал он. – Боже мой! Боже мой!

– Да, – сказал Монморанси, – это я, которому ты изменил в дружбе, которого ты опозорил, соблазнив его жену. Теперь смотри на меня, граф Виргиний де Пуа, и скажи мне откровенно: чье положение лучше, твое или мое?

– Он мстит, – тихо лепетал узник, – наказывает меня! Бог с ним!

– Может, Бог тебя и простит, – отвечал грубо коннетабль, – но мое проклятие и моя месть неизменны.

– Я терплю мучения ада, – шептал узник.

– О, я вполне понимаю, это не прелестный альков замка Дамвиль, солома несколько тверже мягкой брачной постели, прикосновение цепей не так приятно, как нежные ручки герцогини Жильберты; что же делать, мой милый? Нужно применяться к обстоятельствам – так уж устроен свет.

– Наконец, что же ты хочешь от меня? – вскричал узник в припадке отчаяния. – Надеюсь, что теперь твоя месть удовлетворена?

– Моя месть удовлетворена? – отвечал с адским хохотом Монморанси. – Как мало ты меня знаешь, граф Виргиний, а ведь мы были с тобой когда-то друзьями. Если бы я видел тебя в глубине ада, терзаемого демонами, если б я был убежден, что твоя бессмертная душа обречена на вечные муки, и тогда едва ли я утешился бы. Но, несмотря на все это, я пришел предложить выход из этого страшного положения.

Узник приподнялся на колени, внимательно слушая Монморанси, и в его потухающих глазах загорелся луч надежды.

– Хочешь ли ты, – начал герцог после некоторого размышления, – хочешь ли заменить ужас тюрьмы спокойной жизнью в монастыре? Взамен этих цепей опоясаться монашеским поясом и окончить жизнь в раскаянии и молитве?

Узник жадно ловил каждое слово герцога.

– О Монморанси! – вскричал он. – Если ты дашь мне эту милость, ты будешь великодушнейшим из людей, и я окончу мою жизнь молитвой к Богу, дабы Он простил мои грехи и твои.

– Это будет зависеть от тебя.

– От меня! Да разве ты можешь думать, что я буду колебаться принять какие бы то ни было условия?

– Прекрасно. Подпиши эту бумагу, и цепи твои сегодня же спадут.

Узник взял бумагу и прочел следующее:

«Я, нижеподписавшийся граф Виргиний де Пуа, маркиз де Мевиль, владелец де ля Форте, де Дигане и других мест, кавалер ордена святого Михаила, клянусь перед Богом и людьми удалиться от мира и окончить жизнь мою в монастыре.

Вследствие чего отдаю все мои владения, титулы, богатство и привилегии моему дорогому племяннику Анри, герцогу де Дамвилю – сыну монсеньора Монморанси, великого коннетабля Франции.

Моего сына Карла, именующегося графом де Пуа, объявляю незаконным».

– Наглец! – вскричал узник, бросая бумагу в лицо Монморанси.

Тот не обратил на это никакого внимания и спросил:

– Хочешь ты подписать бумагу или нет?

– Чтобы объявить незаконным сына самой святой женщины, которая когда-либо существовала на свете! Лишить его привилегий? Ты, верно, обезумел! Где же бы я мог найти убежище против моей совести и против справедливого гнева Господа Бога?

– Но все равно твой сын не будет иметь ничего, твои владения описаны. Если они перейдут в мое семейство, то сын твой Карл может рассчитывать на наше великодушие, иначе он умрет с голода, ибо владения графа де Пуа должны перейти к графине де Брези, герцогине де Пуатье.

– Пусть будет, что будет, – отвечал несчастный, – но я не желаю разорять и предавать позору моего сына. Я скорее готов сжечь мою руку, чем подписать этот гнусный документ. Ты мог оковать меня цепями, подвергнуть страшным мукам, но тебе не удастся сделать меня сыноубийцей!

– Как знаешь, – сказал Монморанси, желая оставаться хладнокровным. – Но ты очень скоро расскаешься. Страдания твои увеличатся, и ты будешь просить смерти, как дара небес.

– Смерти! Ты давно обрек меня на самоубийство, предоставив к этому все средства.

– Это служит доказательством только моей к тебе дружбы. Жить без надежды нельзя, а у тебя ее давно нет.

– Быть может, при помощи Бога друзья мои узнают, где я, и освободят меня из этой могилы.

– Однако до сих пор они этого не сделали. Вот уже пять лет, как ты сидишь в тюрьме.

– Да, когда я предательски был брошен в эту яму, моему сыну было пятнадцать лет – теперь он скоро станет совершеннолетним, получит феодальные права и, быть может, отомстит тебе, подлый душегуб, за мои страдания.

– Ты бредишь, старик, – отвечал Монморанси, – я постараюсь заручиться приказом короля и уничтожить, стереть с лица земли твоего сына.

– Нет, король не даст тебе такого гнусного приказа, ты заблуждаешься. Притом же мой замок де Пуа очень солидно укреплен, потребуется по крайней мере шесть месяцев, чтобы взять его. Едва ли король, нуждающийся в войске постоянно, отдаст его тебе для личной мести.

– Хорошо. Оставайся здесь, если желаешь, а я постараюсь найти средства сломить твое упрямство.

– Средства? Понимаю, – ты говоришь о пытке.

– О нет, я знаю твою железную волю – ты пытку перенесешь; я придумал средство совершенно иное. Вот к этой стене я думаю приковать твоего сына, – холодно сказал Монморанси и вышел из каземата.

Крик отчаяния вырвался из груди несчастного узника.

– Бог мой, – говорил он, поднимая к небу окованные цепями руки. – Ты не допустишь, чтобы совершилось такое страшное преступление, у него нет другой надежды, кроме Тебя! – И крупные слезы покатились по исхудалым щекам и седой бороде старика.

Эти слезы облегчили страдальца, в его душе зародилась надежда. Немного погодя он заснул, шепча имя дорогого сына.

Узник обманывался, полагая, что сын его лишен опоры в свете. Вскоре мы увидим, что молодой человек имел сильных друзей.

IV. Отец и сын

Прошло три дня после описанной нами сцены, происходившей между герцогом Монморанси и графом де Пуа.

Суровый коннетабль шагал из угла в угол по обширной зале своего дворца, нетерпеливо поглядывая на дверь.

– Господин герцог де Дамвиль, – доложил слуга.

– Проси!

Вскоре на пороге появился Анри де Монморанси, герцог де Дамвиль – старший сын коннетабля. Хотя юноше едва минуло восемнадцать лет, но по его высокому росту, широким плечам и бороде он казался двадцатилетним мужчиной. Лицо молодого человека выражало холодную надменность. Монморанси любил своего первенца – он видел в нем самого себя.

– Господин герцог, – сказал коннетабль, – я уже два дня жду вас.

– Монсеньор, я не знал, что вам угодно было меня видеть.

– Как? Разве вы не получили мое приказание, посланное вам с берейтором.

– Нет, не получал. В Дамвиль действительно прибыл один из ваших слуг и передал мне приказание от вашего имени: тотчас же вернуться в Париж, но, признаюсь, я не поверил и потребовал письменный приказ.

– Ну а потом?.. – спросил герцог.

– Письменного приказа он мне не доставил, я велел заковать его в цепи и бросить в тюрьму.

– Вы ошибаетесь, герцог, приказ мной был дан перед вашим приездом, – я было хотел послать за вами и привести вас ко мне силой.

– Весьма сожалею, что произошло такое недоразумение! А теперь, монсеньор, что побудило вас призвать меня в Париж?

– Причина очень важная. Вы, господин герцог, позволяете себе в замке вашего отца чересчур бесцеремонно обращаться с мужьями, неудобными для ваших любовных походов.

– Монсеньор!..

– Но вы ошибаетесь, господин герцог, полагая, что вошли уже в права наследства. Пока я жив и по милости неба рассчитываю жить еще много лет, в моих замках и дворцах существует только одна воля – моя!

– Я вижу, монсеньор, что вам передали историю с Доминико не так, как она произошла в действительности. Я наказал Доминико за то, что он осмелился в моем присутствии ударить слугу дома Монморанси.

– Но этим слугой оказалась его неверная жена? Это значительно смягчает его дерзость.

– Монсеньор, вы слишком высоко поставлены, чтобы замечать настроение черни, я же как простой дворянин, постоянно встречаясь с людьми мелкого сословия, замечаю, что абсолютное господство феодального права начинает колебаться.

– Черт возьми! – вскричал коннетабль. – Я не имел это в виду.

– Да, монсеньор, заседатели и главы общин начинают обращаться с нами, как с простыми гражданами.

– Есть много правды, сын мой, в том, что вы говорите, – сказал задумчиво коннетабль. – К моему крайнему изумлению, король как будто одобряет поведение общин. С тех пор как я нахожусь в государственном правлении, большее число документов, в которых излагается свобода общин, разрешена и даже санкционирована самим королем.

– Отец, это вполне понятно, король должен поддерживать права граждан в ущерб прав дворянских. Собственно говоря, что такое дворяне? Равные королю его союзники, а иногда и враги. Мы не платим податей, мы часто вынимаем из ножен шпагу для защиты короля, но иногда эту самую шпагу мы направляем против него. Отсюда весьма естественно, если король ищет точку опоры в союзе с советами городов. Верьте, отец мой, дворяне неизбежно должны лишиться своих прав, сдавленные, с одной стороны, властью короля, а с другой – силою народа. Дворянам необходимо сплотиться, чтобы одолеть роковые обстоятельства.

– Или заводить связь с женами своих подданных, – заметил, улыбаясь, Монморанси.

– О монсеньор, не обращайтесь внимания на мою минутную слабость, за которую я и так достаточно наказан. Позвольте мне продолжить о средствах. Средства эти, по моему мнению, в укреплении феодального авторитета. Дворянин не должен останавливаться ни перед чем для утверждения своей власти. Если подчиненный ему вассал, хотя возбудит подозрение, этого достаточно. Виновный должен быть не только ввергнут в тюрьму, но даже казнен без всяких рассуждений!

Старший Монморанси, улыбаясь, слушал своего достойного сынка. Помолчав некоторое время, он сказал:

– Дворянам необходимо объединиться с одним из могущественнейших религиозных обществ, недавно учрежденных; я уже являюсь агентом этого

общества.

– Как! Вы, великий Монморанси, – агент кого-то?

– Да, мой милый, я обещал этим людям способствовать влиять на короля и как глава армии исполнять все, что они пожелают. В свою очередь общество зорко будет следить за всеми моими врагами и недоброжелателями, нейтрализуя их враждебные действия.

– Но кто же они, эти сильные люди? – с удивлением спросил сын. – Не ошибаетесь ли вы, отец?

– Ты слышал что-нибудь об иезуитах?

– Да... Мне говорили, что недавно основано какое-то религиозное общество, отличающееся своим милосердием. Говорят, они очень сильны.

– А вот ты сам убедишься в этом, мой сын, – отвечал герцог, – я сейчас познакомлю тебя с одним из представителей ордена во Франции. Он докажет тебе, что их общество лишь одно может затушить пламя пожара, охватившее католический мир.

Говоря таким образом, герцог Монморанси нажал на скрытую в стене пружину, дверь отворилась, и в комнату вошел священник, очевидно, подслушавший их разговор от начала до конца. Одет он был в скромную сутану. Личность его уже несколько знакома – то был преподобный отец Лефевр.

V. Контрмина

В эпоху, когда происходит действие нашего рассказа, Париж далеко не был так велик, как теперь. В то время столиц во Франции было много. Почти все провинции управлялись независимыми владетельными князьями, например: Бретань была прямо иностранная и лишь часть ее принадлежала Франции. Все большие провинции являлись уделами принцев королевского дома, жили своей собственной жизнью. Феодализм не угнетал свободы граждан так, как в наш

образованный век угнетают ее бюрократическая формальность и административный произвол.

Но вместе с тем в те времена полного застоя владельцами совершались страшные преступления. Одним из красноречивых доказательств этого может служить голодная смерть Карла VII[32 - Карл VII (1403–1461) – французский король с 1422 г.], который подверг себя ей, боясь, что сын его Людовик XI[33 - Людовик XI (1423–1483) – французский король с 1461 г.], впоследствии король Франции, отравит его.

Пышность двора Лувра, любезность короля Франциска I и университет обращали внимание всей Европы на Париж, начинавший в ту эпоху значительно разрастаться. Затем французская кавалерия пользовалась громкой славой. Сам великий король Карл V, владения которого распространялись по всей Германии, Италии, Фландрии и Америке, не смел бросать своих хищных взглядов на Францию, опасаясь ее знаменитой кавалерии.

Но хотя Париж рос очень быстро, здания его строились без всякого плана и архитектуры. Каждый брал себе землю и строил дом по своему вкусу, как хотел. Ряд оригинальных построек был очень живописен, но приводил в ужас Бенвенуто Челлини и Приматиччио[34 - Приматиччио Франческо (1490–1570) – итальянский живописец и лепщик-декоратор.], гениев искусства той эпохи, пользовавшихся милостями короля Франции Франциска I, как мы уже заметили выше, очень любившего прекрасный пол. Этот король и впоследствии Генрих IV занимают видную страницу в истории романтических походов дома Валуа.

Мы уже знаем, какой ценой прелестная Диана купила жизнь своему отцу. Но король-волокита не довольствовался придворными победами над женщинами. Переодевшись, он нередко, как простолюдин, по целым ночам проводил время в самых отдаленных кварталах Парижа. В то время в столице Франции ночные приключения были в моде. Искатели приключений и грабители подстерегали свои жертвы; одни – запоздалых женщин, другие – прохожих.

Пренебрежение к жизни и физическим страданиям в разбойниках было удивительное: они не боялись ни пыток, ни казней и вместе с тем верили в чертей, колдунов и ведьм и трепетали при одной мысли сделать несколько шагов близ кладбища.

Одной из самых страшных местностей в окрестностях Парижа в те времена считался Монфокон. Это был холм, на котором стояли виселицы с болтавшимися на них трупами повешенных. Благочестивые отцы католической церкви вопреки христианскому милосердию лишали преступников обряда погребения. Казненные истлевали на столбах виселицы до тех пор, пока их трупы не расклевывали птицы и кости не разносили хищные звери.

В одну темную очень бурную ночь какой-то пешеход с поникшей головой шел к проклятому холму. Раскаты грома беспрестанно гремели над его головой, он, казалось, ничего не слышал и все шел вперед, взбираясь в гору. Но вот сверкнула молния и ярко осветила жуткую картину. Кругом стоял ряд виселиц, на которых, точно живые, болтались мертвецы, раскачиваемые бурей. Путник остановился, поднял голову и оцепенел от ужаса. Слабый крик вырвался из его груди.

– Нет, не могу, не могу! Пресвятая Дева, спаси меня, – шептал несчастный.

Едва он произнес эти слова, как земля, на которой он стоял, точно заколебалась под ним, он хотел сделать движение и не мог. Несчастный почувствовал, что проваливается, и лишился сознания.

VI. Собрание мстителей

Когда он пришел в чувство, то увидел себя лежащим на тюфяке посредине хорошо освещенного низкого подземелья. Несколько замаскированных личностей наклонились над ним. Один из них вынул из кармана четырехугольную склянку и влил из нее несколько капель жидкости в рот пострадавшего. Лекарство произвело быстрое действие, он приподнялся и стал боязливо осматриваться.

– Доминико! – воскликнул один из замаскированных.

– Вы меня узнали? – спросил слуга Монморанси.

– Да, – сказал замаскированный, – теперь ты нам отвечай, как ты попал туда, где мы тебя нашли.

– Я хотел купить месть ценою моей души.

– Слышите, братья, – сказал грустно замаскированный, – этот человек, созданный по образу и подобию Божию, тиранством доведен до полного отчаяния, он не боится вечного мучения, лишь бы насладиться хоть одну минуту чувством мести. – Обращаясь к Доминико, замаскированный указал на распятие. – Вот Тот, Кто столько выстрадал, Кто был бит господами, принцами и священниками, во имя Его мы работаем, дабы освободить несчастное человечество от феодального гнета и фанатизма духовенства.

Вассал глубоко вздохнул.

– Да, – проговорил он тихо, – прошлой ночью в тюрьме я поклялся отомстить.

– Скажи, что тебя заставило страдать?

– Разве вы не знаете?

– Все равно рассказывай!

– Хорошо, я повинуюсь и передам вам все подробно, – начал Доминико. – Родился я в одном из многочисленных феодальных имений дома Монморанси. Семейство наше уже двести лет служит герцогам; мы всегда были верны до самоотвержения: несколько дней тому назад я готов был отдать жизнь за моих господ, как вдруг над моей головою разразилось несчастье. Я полюбил страстно молодую девушку Пьерину, она, как и я, была слугою герцогини, которая ее очень любила. Мы получили дозволение от господ и сочетались законным браком. Но вот мне, как раскаленным железом, обожгла мозг мысль, что кто-нибудь из семейства герцога может воспользоваться над моей женою феодальным правом. Но вскоре я утешился тем, что моя верная служба господам, с самых детских лет, избавит меня от позора, которому подвергаются все остальные слуги; более всего я рассчитывал на покровительство герцогини, но мой расчет оказался неверным. Раз здесь, в Париже, я шел, чтобы занять караул на башне и, встретив Черного Конрада, нашего главного прево[35 - Прево (фр. prevot) – зд.: лицо, исполняющее судейские обязанности в феодальном владении. Великий прево – главный судья французского королевства.], услышал от него такой вопрос: «Как здоровье твоей достойной супруги?» – спросил он с демонической улыбкой. Я взбесился и просил оставить в покое меня и мою жену.

Прево расхохотался и прибавил: «Представь себе, твоя невинная жена полагает, что ты на карауле, воротись к ней, сделай ей сюрприз, я пока займу твой пост». Все это было мне сказано с такой уверенностью, что я ни минуты не сомневался в истине и тотчас же воротился домой. Я хотел отворить дверь, но она была заперта. Я стал стучать сильнее. Вдруг дверь отворилась, и на пороге моей комнаты появился молодой Монморанси. Как я его не убил, до сих пор понять не могу. Весь мой гнев был обращен на жену, но она в слезах валялась у моих ног, уверяя меня, что уступила только силе и страшилась навлечь на мою голову гнев господина. Что было делать мне? На этот раз я простил. Вскоре, однако, я мог убедиться, что не страх гнева господина толкал мою жену на этот путь, а женское тщеславие, и, когда я стал укорять Пьерину, она имела наглость заявить мне, что не хочет знать моего запрещения, потому что любит герцога и будет принадлежать ему. Взбешенный таким ответом, я ударил жену в присутствии ее любовника.

Доминико остановился, он сильно волновался, передавая историю своего несчастья.

– Ну а потом? Тем и кончилось? – спросил один из замаскированных.

– Вы плохо знаете наших господ, – отвечал Доминико. – Час спустя, когда я блуждал по коридорам дворца, обдумывая, как мне поступить: просить ли справедливости у старого герцога или моими собственными руками учинить расправу, – двое драгун, сопровождаемые Черным Конрадом, накинулись на меня, заковали в цепи и бросили в одну из тех ужасных могил, где умирает медленной смертью враг Монморанси. Меня цепью приковали к стене и со смехом объявили мне, что я должен умереть в этой зловонной яме.

– Ужасно! – воскликнул кто-то из присутствующих.

– Да, мои страдания невообразимы, – продолжал Доминико. – Вот тогда-то я и поклялся отомстить, если освобожусь, хотя бы мне пришлось продать душу мою дьяволу.

– Но ты вышел, надеюсь, не при помощи черта? – спросил один из замаскированных.

– Старый герцог освободил меня! Ему не понравилось, что сынок стал распоряжаться в его дворце. Но вот что важно: меня заставили просить прощения у любовника моей жены. Чтобы не околеть в этом ужасном колодце, куда меня бросили, я вынужден был кротко перенести и этот позор. На коленях, глотая слезы, я прикасался губами к руке моего оскорбителя, едва сдерживая желание растерзать его в клочья!

Доминико замолчал. Очевидно, последнее оскорбление терзало его душу еще более, чем предыдущие.

– Как тебе удалось скрыть свою ненависть?

– Как! Чувство мести поддерживало меня, мне удалось всех обмануть моей покорностью. Были минуты, когда я ногтями раздирал свою грудь, и, несмотря на это, на губах моих играла улыбка покорности. О герцог де Монморанси, как счастлив буду я в ту минуту, когда тысячу раз вонжу мой кинжал в твое сердце!

Доминико выпрямился во весь рост, сжал кулаки и поднял руки, будто в самом деле перед ним стоял его ненавистный враг. В его глазах и лице горел огонь ярости человека, угнетенного долгим рабством и освободившегося для того, чтобы отомстить. Снова настало молчание.

– Итак, Доминико?.. – спросил один из замаскированных.

– Да, я пришел сюда только для этого.

– А что ты можешь дать нам за то, что мы будем содействовать исполнению твоего желания?

– А что же вам может дать бедный слуга? У него ничего нет, кроме жизни, – возьмите ее.

– Жизнь твоя и без того нам принадлежит с тех пор, как ты проник в это подземелье. Мы спрашиваем тебя, какими услугами отблагодаришь ты нас, если мы предоставим тебе средства отомстить Монморанси?

– Я буду сообщать вам все, что творится во дворце Монморанси, – в этом клянусь вам!

– Но после того как ты провинился, молодой герцог едва ли будет доверять тебе?

– Не беспокойтесь, – отвечал со зловещей улыбкой Доминико, – я сумею заслужить его доверие. Поведу его в комнату моей жены и буду сторожить, чтобы никто не помешал их свиданию, затем я знаю еще один секрет. Герцог Монморанси отдал бы мне за него все сокровища.

– Секрет Монморанси! Главы наших врагов!

Доминико молчал, подозрительно оглядываясь.

– Можешь смело говорить, – сказал один из замаскированных.

– Ты также будешь равным, самым сильным из нас, если пройдешь известные испытания, – добавил другой.

– Хорошо, я скажу вам, но помните, надо быть очень осторожными, чтобы герцог ни о чем не смог догадаться.

В ответ на это один из присутствующих поднял капюшон, и все увидели благородные черты маркиза де Бомануара.

– Повторяю, можешь смело говорить, – сказал маркиз, – мое слово тебе порукой!

Всякое сомнение исчезло в душе Доминико, и он сказал:

– Хорошо, господа! Я открою вам эту кровавую тайну.

VII. Карл де Пуа

– Мое открытие, господа, – начал Доминико, – относится к тому времени, когда я был заперт в подземелье дворца Монморанси. Около моего каземата был другой, в котором уже пять лет заключен важный преступник.

– Пять лет! – вскричал один из замаскированных; при этом его капюшон спал, и Доминико увидал молодое энергичное лицо.

– Да, – продолжал рассказчик, – узник томится уже пять лет, я это узнал случайно, когда Конрад приносил ему еду.

– Видел ты пленника? Как он выглядит?

– Это старик с длинной белой бородой, сгорбленный, похожий больше на скелет, чем на человека.

– Это не он, – прошептал молодой человек, опуская руки.

– Продолжай твой рассказ, Доминико, – сказал Бомануар.

– Всякий раз, – продолжал слуга, – когда мне самому случалось входить к заключенному еще прежде, до моего ареста, старик всегда смотрел на меня, злобно сверкая глазами. Я не старался заводить с ним разговор и, сделав свое дело, спешил поскорее убраться из этой зловонной могилы. Когда же меня самого арестовали, после того, как я молил Бога, плакал, проклинал, ругался, я наконец стал осматривать мою темницу; при слабом свете из коридора я заметил над моей головой в стене круглое отверстие. Мои цепи были довольно длинные и позволяли влезть наверх. Я взял камень, заменявший мне подушку, сделал себе подставку и увидал, что это отверстие идет в камеру несчастного старика.

Люди в масках с особенным вниманием слушали рассказ Доминико.

– Я пробовал завести разговор с несчастным, но это была вещь почти невозможная; узник с недоверием смотрел на меня и не отвечал на вопросы. Тогда я рассказал ему свою историю и умолял сообщить мне, кто он и за что посажен, причем клялся спасением моей души посвятить мою жизнь для его освобождения. Эта клятва наконец его убедила.

– Если ты такой же несчастный, как и я, – сказал он, – то дай Бог тебе поскорее выйти и помочь мне. Если же ты изменник и говоришь со мной для того, чтобы после еще увеличить мои страдания, тогда – пусть Бог тебя накажет. Если тебе удастся выйти из тюрьмы, – продолжал узник, – то постарайся дойти до короля; Франциск хотя и легкомысленный, но очень добрый – он выслушает тебя. Скажи ему, что уже пять лет один из его вернейших подданных томится в этой страшной тюрьме как жертва мести герцога Монморанси. Передай королю, что если ему не угодно освободить меня, то пусть он по крайней мере защитит моего бедного сына Карла, которого они хотят ограбить.

При этих словах Доминико молодой человек почти крикнул:

– Имя, имя этого пленника!

– Граф Виргиний де Пуа, – отвечал Доминико.

Из груди юноши вырвался раздирающий душу крик, и он, как сноп, повалился на землю.

Произошел общий переполох.

Все бросились к юноше, причем капюшоны их упали, и Доминико к величайшему своему изумлению увидел, что многие из присутствовавших принадлежали к высшим аристократическим домам и даже были принцы крови, как, например, Конде. Тогда Доминико понял христианское значение слов Бомануара, что он, простой слуга, сделавшись их братом, станет равным самым высокопоставленным лицам на земле и что обещание мести этих господ не есть пустые слова. Между тем все старались привести в чувство молодого человека.

– Скажите, сеньоры, – спросил вполголоса Доминико, – этот молодой человек, должно быть, Карл де Пуа?

– Почему ты так думаешь?

– Он очень похож на старика-пленника.

– Да, это его сын, – отвечал с грустью Бомануар. – Бедный Виргиний! Он так им гордился. Но герцог Монморанси не уйдет от мщения! – вскричал старик, и глаза его заблистали. – Клянусь вот этим святым крестом, – прибавил он, указывая на крест, висевший у него на груди, – мы отомстим злодею и освободим его жертву.

Барламакки, который также находился здесь, поднес к губам Карла де Пуа пузырек и влил ему в рот несколько капель жидкости. Молодой человек очнулся, точно пробудился от долгого тяжелого сна. Его лицо хотя и выражало страдание, но было покойно. Увидав Доминико, он вздрогнул и начал его расспрашивать о самых мельчайших подробностях, касающихся ареста его несчастного отца.

Доминико передал ему все, даже разговор, который вел герцог Монморанси с заключенным. Доминико не умолчал и о том, что герцога страшно стесняет клятва, данная им королю – не убивать графа де Пуа, и что Монморанси употреблял все средства, дабы чаша страдания узника переполнилась, и он сам лишил себя жизни.

– Для этого, – продолжал Доминико, – злодеи оставляли около заключенного сосуд с ядом и острый кинжал.

Рассказ этот произвел глубокое впечатление на все собрание, в особенности страдал сын заключенного.

После некоторого молчания Бомануар сказал:

– Не печалься, друг мой Карл, мы постараемся вырвать из когтей палача Монморанси твоего отца. Я товарищ и брат по оружию короля Франциска – я сам тебя поведу к нему, и, надеюсь, он исполнит твою просьбу.

– Я готов повиноваться вам, – отвечал молодой человек. – Вы мой второй отец и руководитель, но не могу не выразить некоторого сомнения. – И затем, обратившись к собранию, продолжал: – Господа, я не имею права призывать к себе на помощь все силы вольных каменщиков – ведь это мое личное горе, мое несчастье. Я могу лишь некоторых из вас просить помочь мне.

– Почему некоторых, мы все идем! – единодушно отвечали присутствующие.

– Ты был не прав, друг мой, – сказал Бомануар, – предприятие, на которое ты идешь, одинаково близко сердцам всех каменщиков, так же как и твоему. Нельзя не разделять желания сына освободить отца.

Карл искренно поблагодарил всех, и на лице его хотя еще видны были следы грусти, но оно уже начинало принимать оживленное выражение, в глазах засветился луч надежды.

VIII. При дворе Франциска I

Между тем как придворные интриганы употребляли все зависящее от них, чтобы завладеть душой Франциска I и распоряжаться его благосклонностью, Монморанси желал лишь извлечь пользу из гибели заключенного им графа де Пуа путем конфискации его имущества.

В то время еще не существовало Тюильри; короли Франции жили в Лувре, где были сосредоточены все сокровища искусства. Франциск I обратил дворец в настоящий музей. Король был постоянно в долгах; он всегда нуждался в деньгах для осуществления своих фантастических замыслов, войн и любовных походов. Франциск I имел удивительную способность находить деньги там, где их вовсе не было. Записки Бенвенуто Челлини о придворной жизни Франциска I и его времяпрепровождении чрезвычайно интересны. Главным образом обращает на себя внимание отношение короля-куртизана к красавице Диане, разыгрывавшей роль благочестивой перед дофином и в то же время бывшей любовницей короля-отца; и то и другое в угоду благочестивых отцов иезуитов.

Диана де Брези известна в истории королевских куртизанок. Она была необыкновенно красива, хитра, кокетлива и бесстыдна до наглости. Бесхарактерный старый волокита Франциск I, живший для женщин и умерший за одну из них – за красавицу Фероньер, – понятно, должен был находиться под обаянием опьяняющих чар Дианы, этой сирены, которую знатоки сердца человеческого иезуиты выбрали орудием своей цели.

В данный момент мы войдем в покой красавицы фаворитки и послушаем ее беседу с августейшим любовником.

– Вот как, мой милый повелитель, – говорила, улыбаясь, Диана, – вы делаете честь ревновать меня?

– Черт возьми, графиня, – отвечал Франциск, – что же вас тут удивляет – вы так прелестны, и даже корона менее дорога мне – Бог меня прости, – чем ваши атласные ручки, иногда меня ласкающие. Когда я не вижу вас – я не живу! И вы хотите, чтоб я не был ревнив, да разве это возможно?

Король Франциск I, как известно, очень любил мадригалы и некоторые из его сочинений, как, например, «Послание к г-же Агнессе Борель», попали в историю. Поэтому галантный король и при этом удобном случае разразился комплиментами своей красивой фаворитке.

– Право, вы ошибаетесь, ваше величество, – отвечала Диана, – при дворе есть много женщин гораздо красивее меня...

– О, с этим я не могу согласиться, – отвечал страстный любовник, – вы не только красивейшая женщина французского двора, но и целого мира.

– Будто бы? Ваше величество, – продолжала сирена, – а мне казалось, что вы осчастливили вашим благосклонным вниманием некоторых придворных дам?

Стрела попала в цель. Куртизанка намекала на интригу короля Франциска с герцогиней де Шатору.

– Черт возьми, – вскричал он, – знаете, Диана, если вы поклялись рассердить меня, вы вполне в этом преуспели! На мою пламенную любовь к вам вы отвечаете упреками. За мимолетную неверность, сделанную из любви к вам же.

– Из любви ко мне? – вскричала Диана. – Право, это любопытно: соблаговолите, ваше величество, объяснить мне.

– Очень просто, мне иногда приписывают то, чего я и в мыслях не имею.

– Будто бы?

– Разумеется.

– Но, ваше величество, согласитесь же, что вы очень галантный государь...

– О графиня, я иначе не могу себя вести. Если бы я не одаривал некоторым мимолетным вниманием других женщин и был бы хорош только с вами, вообразите, что бы сказали при дворе и в целом Париже?

Диана от души расхохоталась.

– Право, вы так мило защищаетесь, мой очаровательный повелитель, что судья и менее снисходительный, чем я, простил бы вас.

– Но, графиня, – продолжал король, – вы забыли, что обвиняемой, прежде меня, явились вы.

– Но, ваше величество, вы не имеете никаких оснований посадить меня на скамью подсудимых.

– Напротив, обвинение есть и очень веское – сын мой, принц Генрих, вчера был у вас и долго разговаривал с вами!

– Но, ваше величество, в моем общественном положении я не могу отказать в приеме в моем доме принцу Франции, я никак не отвергаю факта, что его высочество удостоил меня посещением. Если бы я захотела скрыть этот визит, я бы не приняла принца с официальной пышностью, он мог прийти ко мне по потаенной лестнице, а не по парадной, не сопровождаемый громким возгласом мажордома: «Его высочество монсеньор – дофин Франции!»

– Но вы не можете отвергать того, что сын мой признавался вам в любви и клялся отомстить сопернику, если он его узнает?

– И этого я нисколько не отвергаю, но тот, кто передал вам наш разговор, напрасно не сказал, что именно я отвечала на объяснения в любви вашему сыну!

– Нет, мне этого не сказали, и мне было бы чертовски любопытно знать, как вы приняли его объяснения?

– Я ему отвечала, что Диана де Сент-Валье, вдова наместника де Брези, честная женщина, и что такую она останется на всю ее жизнь, и что даже королевская корона не в состоянии была бы заставить меня нарушить мой долг. Но вы знаете, Франциск, все это была ложь, – продолжала со слезами на глазах куртизанка, – я не была честной девушкой, ни верной женой, ни добродетельной вдовой. Мою честь, мою верность я пожертвовала одному человеку, которого люблю больше всего на свете, и этот человек меня обвиняет! – вскричала она, заливаясь слезами.

Если бы Диана не была так прекрасна, ее доводы едва ли убедили бы короля, но обворожительная красота сирены, ее глаза, полные слез, сделали свое дело.

Августейший любовник упал перед ней на колени.

– Простите, божественная Диана, – молил он, покрывая ее руки поцелуями. – Я виноват, и сам не знал, что говорил. Можно ли вас осудить за то, что ваша необыкновенная красота кружит всем головы! Чем виноват мой сын, этот бедный мальчик, если вы произвели на него такое же впечатление, как и на меня? Простите, я повел себя, как грубый эгоист. Скажите, что я должен сделать, чтобы ваши прелестные глаза мне снова улыбались.

– Вы заслуживаете того, чтобы я вечно сердилась на вас, злой человек, – сказала Диана, грозя ему пальчиком. – А я, бедная женщина, слишком влюблена и не понимаю вашу политику... Но я должна просить вас об одной милости.

– Диана! Скажите, что бы это ни было, даю вам слово дворянина...

В эту минуту раздались несколько тихих ударов в дверь, заставивших Франциска встать.

– Какой черт там надоедает, – пробормотал он. – Ах! Это ты, Тасмин, – проговорил он более ласково, узнав своего верного слугу, посвященного во все его тайны.

– Государь, один дворянин принес это письмо и умоляет ваше величество сейчас же прочесть его.

– Тебе хорошо известно, что сегодня я не принимаю никого, пусть этот дворянин придет завтра.

– Государь, человек, о котором я говорю, товарищ по оружию в войне вашего величества в Италии, а именно маркиз де Бомануар.

– Бомануар! – воскликнул король. – Мой лучший друг! Непреклонный, гордый человек, никогда не позволявший себе просить что-нибудь у меня! О, верно, дело серьезное, если он явился ко мне.

Сказав это, король немедленно распечатал письмо.

«Государь, – писал старый дворянин, – во имя нашего братства по оружию и во имя чести Вашей и спасения души, умоляю не отказать мне в минутном приеме. Всякое промедление будет неисправимо и губительно.

Маркиз де Бомануар».

– Маркиз прав, я должен его выслушать, – сказал Франциск. – Он не явится с пустяками... – И, подойдя к графине, поцеловал ей руку. – Прелестная Диана, ваш раб на минуту оставляет вас, дабы выслушать важное дело. Я тотчас же вернусь и попрошу вас объяснить мне, чем могу быть вам полезным и приятным.

Графиня взглянула на него многообещающим взглядом, и король поспешно удалился.

Как только затих шум шагов короля, боковая дверь, которую графиня ранее не заметила, отворилась и в ней показалась бритая голова. Голова эта приложила палец к губам, как бы приказывая молчать. Если бы не этот знак, графиня вскрикнула бы от удивления, узнав в бритой голове отца Лефевра.

Он быстро вошел в кабинет, оглядываясь по сторонам, боясь быть замеченным.

– Вы здесь, святой отец! – воскликнула удивленная графиня.

– Тсс!.. – поспешно сказал шепотом иезуит. – Вы знаете, кто вызвал теперь короля?

– Нет, не имею ни малейшего понятия о нем.

– Это маркиз де Бомануар, ваш злейший враг.

– Но я не имела никогда с ним никакого дела! – воскликнула Диана.

– Говорите тише, повторяю вам. Ведь маркиз де Бомануар смертельный враг нашего ордена и герцога Монморанси, вашего союзника, следовательно, он и ваш враг.

– Теперь я понимаю, – сказала Диана, улыбаясь.

– Маркиз, наверное, просит милости для одного дворянина, которого Монморанси, с позволения короля, держит заключенным в своем замке. Франциск слабохарактерен, а Бомануар его друг, ведь они вместе воевали в Италии.

И, приблизившись еще более к графине, он продолжал тихим голосом:

– Нужно, чтобы король отказал в этой просьбе; если же он уже обещал, необходимо заставить его взять свое обещание обратно... Это уж ваше дело, графиня.

– Но я не представляю, каким образом...

– Я вам сказал уже, графиня, что это «нужно», – холодно прервал ее иезуит, – наш орден никогда не употребляет напрасно этого слова. Вы слышите, графиня? Подумайте сперва хорошенько, прежде чем ответить – нет.

– Я повинюсь, – сказала быстро Диана. – Но спрячьтесь, я слышу, что король идет сюда.

Отец Лефевр тихим шагом направился к потайной двери, но, прежде чем скрыться, он обернулся и требовательно взглянул на Диану.

Вошел Франциск I, нахмуренный и молчаливый, и едва ответил поклоном на сладкую улыбку своей любовницы.

«Уже начинается», – подумала сирена, собираясь с силами для предстоящей борьбы.

IX. Король-кавалер

Когда король вышел в зал, где его ожидал маркиз де Бомануар, то рядом с маркизом он заметил молодого человека.

– Здравствуй, старый друг! – сказал весело король. – Верно, у тебя очень важные дела, если ты явился ко двору, к которому питаешь такое глубокое отвращение.

– Государь, – отвечал маркиз с поклоном, – каково бы ни было мое мнение о лицах, окружающих ваше величество, но все-таки мое почтение и привязанность к моему королю не изменились со дня... Со дня...

– Со дня, когда ты спас мне жизнь! Отчего же не сказать это, мой старый Бомануар? Франциск не из тех людей, которые забывают оказанные ему услуги. С того времени я остался твоим должником, мой честный друг, и если я радуюсь, видя тебя здесь, в Лувре, то потому, что имею случай выплатить тебе хоть частичку долга. Черт возьми! А ведь довольно непристойно королю Франции быть несостоятельным должником.

– Государь! – воскликнул Бомануар. – Не откажите мне в той милости, о которой я хочу просить вас, и я буду считать себя настолько вознагражденным, что если бы мне пришлось пожертвовать свою кровь, то я думал бы, что дал еще слишком мало.

– Ты меня начинаешь пугать! Верно, велика эта милость, если Бомануар прибегает к подобным заклинаниям, чтобы получить ее.

Маркиз казался нерешительным; вдруг, взяв за руку молодого человека, он быстро подвел его к королю.

– Государь! – сказал он. – Позвольте вам представить этого молодого человека, носящего имя Карл де Пуа.

Лицо Франциска, бывшее до сих пор веселым и изображавшее довольство, сразу нахмурилось. Он немного отступил, опустил руки и досадливо пробормотал: «Я понял».

– Так как ваше величество уже поняли мою просьбу, то я смею надеяться, что она будет удовлетворена, – произнес маркиз. – Государь мой! Исполните эту справедливую просьбу: возвратите отца сыну и верного слугу королю.

– Верного слугу, верного слугу!.. – проворчал Франциск. – Разве вы думаете, что я не имел причин посадить его в тюрьму. Граф Виргиний де Пуа замышлял против меня, я это точно знаю. Мой бедный Бомануар, ты, который привык сражаться со своей благородной шпагой при свете солнца, не знаешь о заговоре, который скрывается в тени, но я, к несчастью, узнал о нем, и граф де Пуа наказан именно за эту вину.

Тут приблизился Карл де Пуа:

– Вам солгали, сказали неправду, клянусь! Бедный отец мой! В продолжение немногих, к сожалению, лет, проведенных мною около него, он не переставал меня учить, что первый долг дворянина – бороться за короля и умереть за него... Мой отец заговорщик?! Но кто его обвиняет? Где документы, где доказательства? Пусть его приведут в парламент или к трибуналу замка, и тогда мы увидим, кто прав!

– Сударь, – ответил холодно Франциск, – вы забыли, что во Франции король выше трибуналов и парламента и что решение короля есть сама справедливость.

Настало глубокое молчание. Король был более смущен, чем оба просителя.

– Государь, – проговорил вдруг Бомануар, – позвольте мне просить вас о другой милости?

– Говори, мой друг.

– Граф Виргиний де Пуа был заговорщиком, я признаю, что он справедливо наказан, я соглашаюсь. Ваша рука, сударь, как рука Бога, не может ошибиться и если она наносит удар, то наказанный уже признан виновным именно потому, что обвинен королем. Я вполне верю и понимаю, что этот закон должен быть выше всех других законов, в противном случае во что превратилась бы французская монархия?

– Приди сам к заключению, – сказал удивленный король, слыша эту абсолютную теорию от Бомануара, которого он знал как человека независимого и гордого.

Маркиз продолжал:

– Непогрешимость короля не делает его придворных тоже непогрешимыми. Если Виргиний де Пуа согрешил против своего короля, зачем же другие вымещают на нем свою собственную месть? Если он преступник, то почему он не заключен в Бастилии или Винденне, а заживо погребен в одной из тюремных ям дворца де Монморанси?

Хотя король давно уже ожидал услышать это имя, но все же не мог удержаться, чтобы не вздрогнуть.

– Ах! Монморанси! – бормотал он. Совесть заставляла его скрыть правду. – И кто мог заставить вас верить...

– Государь, государь! – возразил смущенный Бомануар. – Неужели так тяжела цепь, связывающая вас с Монморанси, чтобы заставить самого честного человека на земле прибегать к окольным путям, дабы скрыть правду?

– Берегись, Бомануар, – прошептал бледный и весьма раздраженный король, что вообще бывало с ним крайне редко.

– О государь! Я не боюсь вашего гнева, если гнев кипит в груди Франциска – короля Франции, то я обращусь к другому Франциску, к тому благородному, храброму королю, которому принадлежит моя привязанность до последней минуты моей жизни. Если я уважаю короля, я ненавижу куртизан, которые во имя его совершают гнусные дела. Граф Виргиний де Пуа закован и содержится в секретной тюрьме, где, казалось бы, невозможно провести человеческому существу хотя бы один день. Его постель состоит из пучка вонючей гнилой

соломы; пищу его составляет кусок черного хлеба; тряпье, покрывающее его скелетообразное тело, обратилось в клочки; кто видел его, тот принимал его за шестидесятилетнего старца. И кто это? Молодой, блестящий дворянин, который всего пять лет тому назад был украшением вашего двора. Будьте справедливы, государь; король не обязан отдавать своим подданным отчета в своих поступках, но он должен помнить, что выше людского суда суд Божий!

– Ты обманут, мой добрый Бомануар! Коннетабль просил, чтобы я доверил ему охрану графа де Пуа... Я согласился, желая облегчить его участь, потому что я был уверен, что во дворце Монморанси ему находиться лучше, чем в угрюмых тюрьмах королевства. Смотрите, например: если бы граф был заперт в Винденне, он продлил бы там свою жизнь не более года; здесь же, напротив...

– Между тем он еще жив! – резко возразил Бомануар. – Ну да, совершенная правда, государь, граф, несмотря на страшные мучения, которым он подвергается, все еще жив, хотя Монморанси с большим усердием старался скорее угасить так упорно сопротивляющуюся жизнь. А знаете ли вы, государь, каким образом этот христианин, этот честный дворянин оберегал жизнь порученного ему пленного и за которого он дал вам клятвенное обещание не лишать его жизни?

Франциск кивнул ему, чтобы тот продолжал.

– О, самым прелестным образом, показывающим истинное великодушие нашего коннетабля. Ежедневно навещая пленного, он ругал его, угрожал и насмехался над ним; доказывал ему, что жизнь его нестерпима и что у него нет ни малейшей надежды на улучшение участи. Доводя таким образом душу несчастного до полного отчаяния, он уходил, оставляя предупредительно поблизости от пленного склянку с ядом или острый кинжал, для того чтобы, когда у графа де Пуа явится желание покончить с собою, у него не было недостатка в средствах.

Франциск невольно вздрогнул.

Хотя ему известна была жестокость Монморанси и он знал, как страшно мстит старый злодей за нанесенное оскорбление, но чтобы самая утонченная месть могла дойти до подобных пределов, этого король никак не мог себе представить.

– Тебе, наверное, все преувеличили, Бомануар, – сказал сострадательно король. – Возможно ли, чтобы человек опустился до такого зверства?

– Клянусь честью, государь, честью дворянина, что все, о чем я вам рассказывал, совершенная правда.

Франциск наконец поверил. Он прекрасно знал, что Бомануар скорее лишит себя жизни, чем скажет хоть один раз неправду; потому уверения его произвели должное действие на короля. Он стал ходить по комнате; было ясно, что в душе его боролись различные чувства; лицо его поминутно менялось, смотря по тому, что брало перевес – гнев или жалость.

– Монморанси большая сила, глава моих воинов, – произнес, как бы рассуждая сам с собою, король.

– Ах, государь! – воскликнул горячо молодой Карл де Пуа. – К чему вам другая сила, когда вы обладаете своей собственной! Где царствует Франциск Первый, там никто не может претендовать на силу. Сделайте опыт, государь, созовите на войну наших дворян, и вы удостоверитесь, что не будет надобности прибегать к услугам Монморанси.

Франциск пристально посмотрел на молодого дворянина. Его смелость и честное открытое лицо весьма ему понравились.

– Очень может быть, что ты прав, молодой человек, – сказал задумчиво монарх, – и ты так хорошо и горячо говоришь, что я хотел бы удовлетворить твою просьбу. Так ты уверен, что отец твой не запятнал себя неблагодарностью и изменой и нигде не восставал против меня?

– Государь, чтобы Бог мне помог так же, как я уверен в моем отце! – воскликнул Карл де Пуа.

– Итак, хорошо; я желаю, чтобы твоего отца судили по законам нашего государства и чтобы ему позволили оправдаться. Если же, по законам суда, он будет признан невиновным, то клянусь, молодой человек, что я сумею осыпать его такими милостями, что он забудет перенесенные страдания.

Искренне растроганный Бомануар схватил руку короля и покрыл ее поцелуями.

Карл же глубоко поклонился и сказал почти холодно:

– Король знает, что теперь, как и всегда, он может располагать нашей жизнью.

И оба дворянина откланялись. Как только они вышли из Лувра, Бомануар обнял радостно своего товарища и сказал:

– Он согласился, я знал заранее, что он не откажет нам. Не правда ли, Карл, я тебе говорил, что он слишком великодушен, чтобы не исполнить нашей просьбы?

– Да, но мой отец находится еще в темнице замка де Монморанси! – сказал грустно Карл де Пуа.

– Да ты никак сомневаешься? Королевское слово!

– Отец мой – я имею право и желание дать вам это имя, – если бы король был поражен и возмущен нашей речью, тогда я бы надеялся. Если бы он разгневался при мысли, что другой хочет присвоить себе часть королевской власти, он велел бы тотчас же призвать Монморанси и в нашем присутствии заставить его исправить свой поступок, вот тогда я знал бы, что у нас действительно есть монарх.

– Как же ты смеешь сомневаться, Карл?

– Я не сомневаюсь, отец, но я уверен, что тронутый нашими просьбами и слезами, а также и уважением, которое внушают честные люди, Франциск обещал все; но через четверть часа какой-нибудь из придворных или одна из его любовниц подействуют по своему желанию на слабохарактерного Франциска, и он изменит данному слову... Что он честный и порядочный человек, я знаю; но он окружен священниками и женщинами, которые станут доказывать ему, что данное слово не имеет никакого значения.

– Ну если это случится, – сказал грустно маркиз де Бомануар, – то нужно тогда никому не верить в честность другого и быть всегда наготове, боясь постоянно измены с любой стороны.

– И я буду постоянно теперь таким, – сказал угрюмо виконт де Пуа, – и никто не услышит от меня жалобы или недовольства, а только мое намерение мстить...

– Все-таки пока нужно подождать доказательств вероломства короля.

– Ждать?! А тем временем мой отец гниет заживо в той пропасти, и, может быть, пока мы здесь разговариваем, он собирается уже воспользоваться теми средствами, которыми так заботливо снабжает его Монморанси.

– Твой отец теперь, наверное, уже утешен, – сказал маркиз. – Я думаю, что Доминико нашел способ доставить ему известие, что мы собираемся спасти его, а это очень укрепит и успокоит его.

После небольшого раздумья Карл подал руку Бомануару и сказал:

– Если так, то подождем еще три дня. Но обещайте мне, что если по прошествии этих трех дней мы получим доказательства измены данного королем слова, то вы будете действовать со мной заодно!

– Все мои силы и все наши, – старик нарочно сделал ударение на последнем слове, – будут к твоим услугам. Мы спасем твоего отца, даже если бы он был заключен в глубоких недрах самой Бастилии.

После этих слов Бомануар крепко пожал руку виконта де Пуа, и они расстались.

Х. Возможности женщины

Мы уже сказали, что король Франциск вернулся в кабинет с нахмуренным челом, где ожидала его Диана, и, несмотря на ее ласки, лицо его не прояснилось. Диана хорошо знала через иезуита, что именно беспокоит короля. Но как умная женщина, она не расспрашивала его, дожидаясь, когда Франциск сам ей все скажет, как слабохарактерный человек, поддаваясь необходимости довериться кому-нибудь.

– Дорогой государь, вы долго заставили себя ждать. Эти скучные государственные дела – мои злейшие враги: они отнимают от меня моего короля, моего милого и, кроме того, возвращают мне его скучного и в дурном расположении духа.

Франциск принял грустную позу.

– Ах, Диана! – сказал он, вздыхая. – Как вы счастливы, что вы лишь королева грации и красоты. Вы не должны страшиться измены, вы не имеете ни придворных, которые обманывают вас, ни фальшивых друзей, творящих гнусные дела вашим именем.

– Насколько я успела заметить, ваше величество находится именно в таком положении, – проговорила спокойно наложница. – Кто же осмелится изменить самому сильному и умному королю в мире, не содрогаясь от угрызений совести и страха?

– Ваша привязанность ко мне, Диана, затмевает ваше суждение, – сказал монарх, невозмутимо принимая все ее слова за чистую монету. – Сегодня я испытал большое разочарование, потому что невольно узнал, что тот, к которому я был искренно расположен, изменил моей воле и старался уронить мое достоинство и обесчестить меня.

Диана всплеснула руками.

– Господи! И такие чудовища живут при вашем дворе? Скажите мне сейчас, в чем дело, Франциск, чтобы я могла оберегать себя.

Король горько улыбнулся.

– И кто же оказался неблагодарным?! – воскликнул он. – Конечно, тот, который осыпан милостями! Кто же изменит другу, если не тот, который получил от моей дружбы все. Одним словом, кто может вредить и сделаться опасным Франциску Франции, кроме коннетабля де Монморанси!

Графиня давно ожидала услышать имя коннетабля, тем не менее лицо ее выразило столь невинное удивление, что даже человек гораздо умнее короля-

кавалера, и тот ей поверил бы.

– Да, Диана, – продолжал грустно Франциск, – да, Анн де Монморанси обманул мое доверие; он воспользовался данным ему полномочием, творя несправедливость; он стал причиной того, что много проклятий притесненных поднимались к небу рядом с моим именем. К счастью, меня вовремя уведомили, и эта неприятность кончится ранее, чем приведет к пагубным последствиям.

– О, расскажите мне, расскажите мне все! – воскликнула молодая женщина с кокетливой улыбкой. – Вы знаете, я схожу с ума от страшных рассказов. Ну что же сделал ваш верный коннетабль?

Король улыбнулся, весьма довольный, что может рассказать о романическом происшествии.

– Вообразите, Диана, – сказал он, – что этот бедный Монморанси лет двадцать тому назад женился на особе старинного дворянского рода, на Жильберте де л'Иль Адам. Она была прекрасна, как богиня, но и горда, как орел; выходя замуж за Монморанси, она считала, что сделала только посредственную партию, по ее мнению, она была достойна сидеть на троне, украшенном лилиями.

– Я знала в детстве одну госпожу, – сказала Диана, – она совершенно походит на портрет, описанный вами.

– Итак, случилось то, что обыкновенно бывает тогда, когда муж много старше жены. Однажды герцогиня поведала свое горе молодому и красивому кавалеру, феодалу графу Виргинию де Пуа, который по своему роду и по числу своих замков был немного знатнее де Монморанси. Вскоре после того посещения графа де Пуа участились. Эта история продолжалась много лет, наконец одна из служанок передала все коннетаблю, и он страшно разгневался. Нужно вам сказать, что эта прислуга-изменница попала в руки моих прево как соучастница в колдовстве. Я так скверно о ней отозвался, что ее присудили сжечь заживо. По всей вероятности, она вовсе не была колдуньей, но мне захотелось ее наказать за отвратительную измену – продажу тайны своей госпожи.

– О государь! Сколько у вас снисходительности к людям грешным в прелюбодеянии!

– Милейшая Диана, если я не буду снисходителен к ошибкам любви, то могу ли я тогда надеяться на милость Бога?

Диана, улыбаясь, протянула королю руку, который страстно, но почтительно поцеловал ее и продолжал свой рассказ:

– И вот однажды Монморанси застал своего соперника в комнате герцогини; преступность обоих была очевидна.

Герцогиня упала без чувств: болезнь, которая давно точила ее сердце и усложнившаяся страданиями последних лет, вызвала нервный удар у герцогини от страха, когда в комнату вошел Монморанси. Ее похоронили две недели спустя с королевской пышностью в часовне Дамвиль. Что касается графа де Пуа, то оскорбленный муж взял его в плен и с тех пор держит в заточении и обходится с ним, как мне передавали, с неслыханным варварством.

– Но как вы позволили это господину де Монморанси?

– Он пришел ко мне и рассказал, что застал графа Виргиния со своей женой. Он имел полное право убить обоих, но простил свою жену, а что касается графа, то он просил у меня позволения держать его в заключении. Я сам подозревал, что он это захочет сделать, чтобы мучения графа были медленнее и сильнее, а потому объявил коннетаблю, что принимаю это дело на себя и временно запрю графа де Пуа в моем замке Бастилия. Но я поддался просьбам Монморанси и согласился, взяв перед чудотворным образом с него клятву, что он никогда не покусится на жизнь пленника. Герцог мне обещал, и вот теперь уже пять лет как граф Виргиний влачит свое несчастное существование в тюрьме замка Монморанси.

– Мне кажется, – сказала Диана, вспоминая наставление иезуита, – что господин де Монморанси во всем доказал, что он весьма мягко поступил, имея права оскорбленного мужа. Ваше величество всегда соединяете справедливость с великодушием по отношению к дорогим вашему сердцу людям.

– До сих пор я руководствовался этим правилом, графиня. Но мы – люди, короли или простые смертные, мы часто сильно ошибаемся и бываем очень счастливы, когда какой-нибудь благородный человек вовремя укажет нам на наш промах. И

Монморанси, как я слышал, мстит во сто раз сильнее, чем это следует, так что я невольно сделался соучастником преступления, ибо граф находится в тюрьме во сто раз хуже королевской, и если это правда, то Монморанси уже потерял право мстить, мой же священный долг освободить несчастного.

– Кто это вам сказал? – резко спросила графиня, вставая. – Кто?

– Кто?! Люди, которые только что были у меня и просили за этого несчастного: маркиз де Бомануар и виконт де Пуа, сын пленного. И я им обещал, что моя справедливость сумеет восстать против частной мести моих подданных и что граф де Пуа будет по моему приказу переведен из дома коннетабля в один из моих замков!

– У вас это просили, мой государь, и вы без размышления обещали?! Обещали, вместо того чтобы бросить в Бастилию дерзких, осмелившихся вымалывать у короля позволения нанести оскорбление первому дворянину Франции!

– Бросить в тюрьму молодого человека, который просит милости у короля за своего родного отца? Вы не подумали серьезно, сказав мне это, милая Диана; ведь подобное решение привело бы все мое королевство в негодование!

– Но кто вам говорит про сына? Этого бедного мальчика, у которого помешался ум от несчастья, его нужно пожалеть и простить. Но другой, этот Бомануар, который осмеливается критиковать справедливость суда вашего величества, даже решается просить у вас, Франциска Франции, нарушить данное герцогу Монморанси слово...

– Монморанси не был верен своему слову, – заметил в замешательстве монарх.

– В чем? Где была его измена? Он обещал не лишать жизни графа – и граф жив; его друзья сами вас в этом уверили. Разве он вам обещал содержать его в золотом плену, как содержат пленного короля?

Франциск прервал ее с кислой гримасой:

– И королей не всегда содержат в золотом плену... Этому свидетельство, как Карл V держал меня в тюрьме, где у меня ощущался даже недостаток в белье.

Диана прикусила губы, сообразив, что невзначай навела короля на неприятные воспоминания.

– Ну, государь, – сказала она горячо и быстро, стараясь загладить свой промах, – и что же делает герцог де Монморанси? Он с таким милосердием наказывает столь тяжкое преступление, как прелюбодеяние, – это доказывает его великодушие. Если человек осмелился запятнать брачное ложе первого христианского барона, кто же решится защитить его от мести мужа? Вспомните, государь, что в этих случаях даже королевская власть бессильна! Вы помните испанского короля, который имел связь с одной из подданных. Честность и верность обиженного мужа не позволили ему посягнуть на жизнь короля, но зато соучастница была зарезана мужем, и король даже не осмелился спасти свою любовницу от кинжала справедливого судьи.

– Ну уж это и вовсе глупо! – вскричал король. – Если бы поступили так же с дамой, хорошо мне знакомой, то я сделал бы совсем иначе: тело дурака короля Испании и тело господина де Брези висело бы на самой высокой виселице Монфокона, даже если бы за них ходатайствовала сама Пресвятая Дева!

– И вы были бы не правы, государь, – сказала Диана, скромно опуская глаза. – Увы! Как бы не был мой сладкий грех простителен, тем не менее я его замолила многими слезами и покаянием; даже если бы граф, мой муж, открыл бы мое преступление и решил меня наказать так же, как поступил тот испанский муж, то я считала бы подобный суд вполне справедливым и, умирая, заклинала бы короля не трогать ни единого волоска с головы моего мужа...

Она вытерла слезы; женщина, которая не имеет в своем распоряжении сей аргумент в нужный момент, не годилась бы в куртизанки.

– Ах, государь! – продолжала она с несколько драматическим оттенком. – Вспомните, что вы – король и глава Франции, прямой и законный хранитель добродетели в семействах, защитник святости брака! Ваша рука не должна покровительствовать прелюбодеянию! Нужно, чтобы за это наказания не уменьшались, чтобы нельзя было сказать: любострастие нашло приют под сенью трона.

Она действительно была хороша в своем нравственном гневе. Эта женщина умела соединять со своей развращенностью большое лукавство; эта Мессалина,

которая без любви, единственно из-за расчета и ненасытной алчности, готовилась сделать сына соперником по любви своему отцу, имела вид чистого, святого ангела, когда заступалась за право добродетели, возбуждающей заснувшие нервы короля-кавалера.

Как все распутники, Франциск любил грешить с набожными женщинами; ему нравилось сочетание набожности с распутством; вот почему он, как нектар, вкушал нравоучения красавицы моралистки, зная наперед, что из этой морали ничего не выйдет.

Но Диана тем не менее далеко еще не выиграла свое дело.

– Дорогая моя, – сказал король, – в вашей горячей защите вы кое-что забыли.

– А именно?

– То, что я дал слово Бомануару и Карлу де Пуа и что слово, данное королем, не может быть нарушено.

– Да, государь! Но ведь вы дали то же королевское обещание и господину де Монморанси! Почему же вы первое обещание ставите ниже второго?

Франциск серьезно задумался; и как всегда, когда он занят был какою-нибудь мыслью, встал и, напевая, подойдя к окну, барабанил по стеклу пальцами.

В то время, когда Франциск повернулся спиной к графине, она услышала легкий шорох. Взглянув на пол, она заметила маленькую, бережно свернутую бумажку, лежавшую у ног. Графиня быстро подняла ее, незаметно от короля развернула и прочла:

«Б. Гугенот. Л.».

Победная улыбка озарила лицо Дианы. В этих немногих словах заключалось оружие для победы, и теперь она знала, как действовать.

– Впрочем, графиня, – сказал Франциск, приближаясь снова к своей любовнице, – мне кажется, Монморанси не может жаловаться на мою честность. Я позволял ему пять лет мучить своего врага, но теперь нужно это прекратить. Это верно, что подобное решение не понравится господину коннетаблю, но зато доставлю много радости другому верному моему другу и товарищу по оружию, маркизу Бомануару.

Диана насмешливо взглянула на короля и потом вдруг разразилась таким гомерическим хохотом, что совсем поставила его в тупик.

– Что вы нашли смешного в моих словах? – спросил озадаченно король. – Вы, верно, находите глупым то, что я говорю о таких серьезных делах с такой ветреницей, как моя прелестная Диана?

– Нет... Ох! Нет... Напротив... Но, что хотите, слыша от вас, что Бомануар ваш друг – ха, ха, я не могу удержаться от смеха, извините меня!

Лицо Франциска еще более нахмурилось.

– Сударыня, – сказал он коротко и резко, – я вас прошу воздержаться от подобных неприятных замечаний по поводу человека, которого я люблю и уважаю; это один из первых дворян Франции.

Графиня моментально сделалась серьезной.

– Простите меня, сир, – сказала она с достоинством, – но мне кажется, что христианский король не может иметь верного и милейшего друга... гугенота.

Франциск был поражен. Он всегда боялся и презирал еретиков. В любовных своих похождениях он не делал никогда разбора. Ему было безразлично: поддавалась ли его ухаживаниям горожанка, крестьянка или просто потерянная женщина самого низкого сорта; но он умер бы от страха и ужаса, если бы знал, что дотронулся до еретички и, не задумавшись, предал бы ее сожжению, как последовательницу Кальвина[36 - Кальвин Жан (1509–1564) – деятель Реформации, основатель кальвинизма. В 1541 г. превратил Женеву в оплот Реформации. Из Женевы кальвинизм проник во Францию (гугеноты), Англию, Шотландию и Нидерланды (пуритане).] или Лютера.

И вдруг с розовых губок графини де Брезе слетело столь страшное и опасное для Бомануара обвинение в ереси. От подобного обвинения ничто не могло спасти человека: ни знатность рода, ни чин, ни военная храбрость. Тот, которого обвиняли в ереси, рано ли или поздно, но должен был ожидать строгого суда.

Инквизиция, появившаяся сначала в Тулузе, быстро распространилась по всей Франции и не щадила намеченные ей заранее жертвы. Если все же принцы королевской крови, подобно Конде, избегали ее, то не по своему высокому роду или положению, а только потому, что были сильно вооружены и укреплены в своих замках и, таким образом, составляли настолько крепкую кость, что она приходилась не по зубам воинам веры. Именно это слепое настойчивое преследование, без различия сословий или положений, заставляло дворян и граждан – кальвинистов – браться за оружие для защиты свободы своей веры и сделало прекрасную Францию несчастной и проклятой страной.

Обвинение в ереси Бомануара произвело глубокое впечатление на суеверного Франциска. Последствие этого обвинения, хотя и без доказательств, по одному простому подозрению или капризу, обычно губило человека.

– Еретик! Бомануар еретик?! – воскликнул король неуверенным тоном. – И вы в этом вполне уверены, Диана?

– Уверена ли я?! Не он ли вместе со своим другом Конде заседает в тайных собраниях гугенотов в окрестностях Парижа? Разве не он запретил доминиканцам – посланным от святого отца папы – проповедовать на своих землях и собирать с его вассалов деньги за индульгенции?

Эти факты были явным плодом фантазии самой графини. Эта вновь принятая в общество Лойолы союзница отлично знала, по правилам своего господина, что клеветать всегда выгодно: ибо от клеветы всегда что-нибудь да останется.

– Неужели это правда? – негодовал монарх. – Все мне изменяют: идут спасать других, между тем как сами должны быть судимы. Ах, Бомануар! Ты намерен спасти другого из тюрьмы, когда сам должен быть не менее наказан!

В это время слуга короля Тасмен постучал в дверь и спросил, не угодно ли будет королю принять великого коннетабля де Монморанси.

– Монморанси здесь?! – заволновался король. – Но если он увидит вас со мной, графиня, он может предположить...

– ...самые невероятные вещи, – продолжила она совершенно спокойно. – Тем не менее, Франциск, вам необходимо принять его, так как он может дать важные разъяснения...

– Пусть будет так, как вы хотите, Диана, – решил король. – Тасмен, попроси герцога де Монморанси войти!

Минуту спустя на пороге комнаты появилась статная и строгая фигура старого герцога. Он низко поклонился королю и вежливо поцеловал руку Диане, не выказывая между тем ни малейшего удивления тому, что видит ее здесь. И, пользуясь правами своих лет и чина, сел.

XI. Союз злодеев

– Итак, мой верный слуга, – сказал Франциск, – у вас, должно быть, есть известие, которое настолько серьезно и важно, что не терпит отлагательства?

– Вы угадали, сир. Я должен вам сказать, что... был заговор, имевший целью отнять у вас корону.

– У меня! – вскричал король с неестественным смехом. – Интересно, кто это возымел смелость посягнуть на мою корону, которая оберегается моей шпагой?

– Кто?.. Во-первых – ваши двоюродные братья: де Конде и де Бурбон, а во-вторых – гугеноты.

– Гугеноты! – произнес король, на самом деле гораздо более испуганный, чем казался. – И вы думаете, что они решатся на такое злодейство?

Монморанси резко и презрительно пожал плечами и грубо сказал:

– Какой вы странный, король! Вы, христианский король, который сжигает этих гугенотов, сажает их в тюрьмы, пытается их, они вас называют мучителем и притеснителем, – и вы ожидаете, чтобы они любили вас?! Вы, сир, ищете их смерти, а они ищут вашей! Это вполне понятно.

– Что же вы хотите, – сказал угрюмо король, – чтоб я позволил распространяться чуме ереси по моему королевству и вселять презрение к церкви и неповиновение королю? Неужели вы осмеливаетесь дать мне подобный совет?

– Я ничего не могу от вас требовать, а также не могу давать вам советы. Вы желаете уничтожить гугенотов? Дайте мне приказ, и я уничтожу их, как собак. Хотите оставить их в покое? Оставляйте. Это уж не мое дело. Столько лет я вам повинуюсь, что, поверьте, на старости лет не стану изменять своих привычек.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Франциск I (1494–1547) – французский король с 1515 г. из династии Валуа: проводил политику превращения Франции в абсолютную монархию. В Итальянских войнах 1497–1559 гг. одержал победу при Мариньяно 13–14 сентября 1515 г. и захватил Ломбардию. В битве при Павии 24 февраля 1525 г. разбит войсками Карла V и взят в плен. Возвратил Италии все завоеванные территории. Вернувшись из плена в 1527 г., возобновил военные действия.

2

Карл V (1500–1558) – император Священной Римской империи в 1519–1556 гг. и испанский король (Карлос I) в 1516–1556 гг. Воевал с Францией и с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с немецкими протестантскими князьями и после заключения с ними Аугсбургского религиозного мира 1555 г. отрекся от престола.

3

Сулейман I Кануни (в европейской литературе Сулейман Великолепный; 1495–1566) – турецкий султан в 1520–1566 гг. При нем Османская империя достигла высшего политического могущества. Завоевал часть Венгерского королевства, Закавказья, Месопотамию, Аравию, территории Триполи и Алжира.

4

Лев X (1475–1521) – римский папа с 1513 г. При нем процветала спекуляция индульгенциями и nepотизм (раздача доходных должностей, земель, церковных званий родственникам римских пап).

5

Лютер Мартин (1483–1546) – деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступление в Вюртенберге (Виттенберге) с 95 тезисами против индульгенций. Идеолог консервативной части бюргерства. Перевел Библию на немецкий язык, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.

6

Макиавелли Никколо (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, драматург. Ради упрочения государственной власти считал допустимыми любые средства. Отсюда – термин «макиавеллизм» для определения политики, пренебрегающей нормами морали.

7

Александр VI (1431–1503) – римский папа с 1492 г. Из рода Борджиа; политических противников устранял с помощью яда и кинжала.

8

Юлий II (Джулиано делла Ровере; 1441–1513) – римский папа с 1503 г. Взял себе имя Юлий, поскольку стремился подражать великому Цезарю и в политической, и в военной деятельности.

9

Карл IX (1550–1574) – король Франции с 1560 г. Под влиянием своей матери Екатерины Медичи санкционировал Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. – массовую резню гугенотов.

10

Генрих VIII (1491–1547) – английский король с 1509 г.; из династии Тюдоров; провел Реформацию, в 1534 г. провозглашен главой англиканской церкви.

11

Визиготы – вестготы, германское племя, западная ветвь готов. Вторгшись в Италию в 410 г., разграбили Рим; в 418 г. основали раннефеодальное Тулузское государство (на юге современной Франции). В V в. захватили большую часть Пиренейского полуострова, здесь их государство в начале VIII в. было завоевано арабами.

12

Храмовые рыцари (тамплиеры от фр. temple – храм) – члены ордена, основанного в Иерусалиме около 1118 или 1119 г. Занимались торговлей и ростовщичеством (в XIII веке крупнейшие в Западной Европе банкиры). В конце XIII века обосновались в основном во Франции. Под давлением французского короля Филиппа IV против тамплиеров был начат инквизиционный процесс, а в 1312 г. папа Климент V упразднил орден.

13

Филипп IV Красивый (1268–1314) – французский король с 1285 г. Поставил папство в зависимость от французских королей, перенес их резиденцию в Авиньон, где она находилась с 1309 по 1377 г.

14

Климент V (?—1314) – римский папа с 1305 г.

15

Жак де Молэ (1243?—1314) – великий магистр ордена тамплиеров. По приговору французского суда (процесс над орденом тамплиеров длился 7 лет) заживо сожжен 18 марта 1314 г.

16

Филипп IV скончался от кровоизлияния в мозг, которое действительно произошло на охоте 4 ноября 1314 г.

17

Лойола Игнатий (1491(?)—1556) – основатель и первый генерал ордена иезуитов. Выработал организационные и моральные принципы ордена.

18

То есть авторитет церкви и монархии.

19

Эти слова заключают в себе принцип иезуитов: «Perinde ac cadaver».

20

Преторианцы – в Древнем Риме первоначально личная охрана полководца, позднее – императорская гвардия.

21

Генрих II (1519–1559) – король Франции с 1547 г. В 1559 г. был убит на Турнире графом Монтгомери.

22

Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, писатель.

23

Диана де Пуатье (1499–1566) – любовница Франциска I, затем Генриха II, от которого у нее была дочь Диана Французская. Современники утверждали, что Диана де Пуатье поражала всех своей неувядающей красотой до самой смерти.

24

Тициан (Тициано Вечеллио; 1489–1576) – итальянский живописец, наравне с великолепными полотнами создал несколько портретов современников, изобразив их с беспощадной правдивостью.

25

Коннетабль (фр. connetable – первоначально «великий конюший»). Во Франции до XVII в. – главнокомандующий армией.

26

Орден иезуитов (Общество Иисуса) учрежден Игнатием Лойолой в Париже в 1534 г. Орден сделался главным орудием Контрреформации.

27

Донатисты (от имени епископа Доната) – участники религиозного движения в римской Северной Африке в IV–V вв., направленного против официальной христианской церкви и римского господства.

28

Ариане (от имени священника Ария) – участники течения в христианстве IV–VI вв., не принимавшие один из основных догматов – о единосущности Бога-Отца и Бога-Сына. По учению Ария, Христос как творение Бога-Отца – существо, ниже его стоящее.

29

Альбигойцы – участники еретического движения в Южной Франции в XII–XIII вв. Выступали против догматов церкви, церковного землевладения и десятины.

30

Анн де Монморанси (1493–1567) – коннетабль, маршал и пэр Франции.

31

Род Монморанси получил баронство в XI в., то есть ко времени описываемых событий насчитывал тысячу лет.

32

Карл VII (1403–1461) – французский король с 1422 г.

33

Людовик XI (1423–1483) – французский король с 1461 г.

34

Приматиччио Франческо (1490–1570) – итальянский живописец и лепщик-декоратор.

35

Прево (фр. prevot) – зд.: лицо, исполняющее судебные обязанности в феодальном владении. Великий прево – главный судья французского королевства.

36

Кальвин Жан (1509–1564) – деятель Реформации, основатель кальвинизма. В 1541 г. превратил Женеву в оплот Реформации. Из Женевы кальвинизм проник во Францию (гугеноты), Англию, Шотландию и Нидерланды (пуритане).

Купить: https://telnovel.com/medzabott_ernest/iezuit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)